За что мы любим Художественный театр

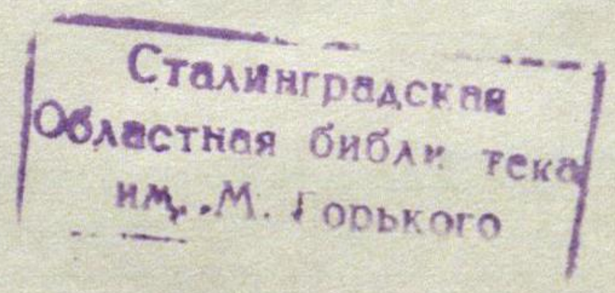
792.1
3-12

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ОТДЕЛ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

За что мы любим Художественный театр

(Учащиеся московских школ о Художественном театре)

162290
л.18

МОСКВА—1948 г.

1
[illegible]

Библиотека

Старшее поколение советских людей является свидетелем возникновения, развития и пышного расцвета творческой деятельности Художественного театра.

Поколения советской молодежи, в частности учащиеся старших классов московских средних школ, выросли и начали жить сознательной жизнью уже в период творческой зрелости театра. Но очень многим из них посчастливилось наряду с новыми спектаклями репертуара советских десятилетий, показанными талантливыми артистами «второго» поколения художественников, увидеть и прославленные постановки первых лет существования Художественного театра с участием корифеев его сцены.

В предлагаемом вниманию читателя сборнике учащиеся отобразили все, что сохранили им о Художественном театре память и сердце.

Профессиональным критикам и искусствоведам, знатокам и любителям театрального дела, возможно, покажутся наивными и детскими отдельные суждения и высказывания учащихся о знаменитом юбиляре. Мы надеемся, что детям извинят наличие у них детского.

Но зато мы счастливы предоставившейся возможностью вместе с читателем послушать биение юных горячих сердец и музыку неподдельно восторженных искренних речей во славу лучшего в мире народного советского театра.

А. ОРЛОВ
(Зав. Московским городским
отделом народного образования)

Любимый театр

Г. Клычков
(9 класс «А» 59 мужской средней школы Киевского района).

РАДОСТЬ ПОИСКОВ И ДОСТИЖЕНИЙ.

Мне 16 лет. Я не видел «старые» постановки Художественного театра. Не видел и не увижу Качалова в роли Чацкого или царя Берендея, Москвина в роли царя Федора. Рокот их славы доходил до меня только приглушенно, через книги. Не видел я и некоторых новых постановок МХАТ'а.

Как будто нет основания говорить о большой роли в моей жизни Художественного театра и тем не менее он стал «моим» театром, самым любимым, самым родным. Через него мне открылась неисчерпаемая прелесть и богатство жизни, радость поисков и достижений.

Придя в детстве в Художественный театр, я встретился лицом к лицу со сказкой. Ведь у нас уже сложилась московская традиция: москвич от 5 до 8 лет непременно хотя бы раз увидит «Синюю птицу». В этой традиции есть что-то от ритуала. Наши матери, очевидно, помнят еще себя в детстве в Художественном театре и вместе с нами словно отправляются в экскурсию в свое собственное детство.

В первый раз в театре! Гул детских голосов, особенное оживление утренников... Все чувства обострены.

Все в тебе приподнято, все полно ожидания, все светло и праздничнo. Загорается магический свет рампы, и еще не раздвинувшийся занавес скрывает новый и увлекательный мир.

В начале спектакля все просто. Мы не ощущаем рампы, мы почти дома. Тильтиль и Митиль похожи на сестру и брата, на товарища и подругу. Правда, нам не приходилось завидовать богатым детям, и у каждого из нас была елка.

Но вот сама собой загорается голубая лампа, и в нашу жизнь входит... фея Б-и-р-и-и-л-ю-ю-ю-н-а!

Только гениальный художник Станиславский мог создать подлинный воздух сказки, это неуловимое, как сон, мерцание чудесного. Только он понял детство, то дорогое в нем, что остается светлым воспоминанием на всю жизнь.

В пять лет на спектакле Станиславского я полюбил сказку. И сейчас еще само слово «сказка» у меня ассоциируется с торжественным полетом синих птиц, и я даже не очень огорчен, что одна из них, самая прекрасная, так и не далась в руки и осталась на лунном луче. Вернувшись домой, я пускал звенящую струйку воды из крана, гладил корочку хлеба... Добрые стихии окружали меня. Мое детство стало полнее и богаче. И за это я благодарю волшебника Станиславского.

Один из любимых героев мне казался душою яблока, а сердитую соседку назвал я душою горчицы. Увы, с этих пор я стал презирать кошек.

В 8 лет, попав в Художественный театр вторично, я в спектакле увидел то, что прежде мне было недоступно.

Самое сильное, очень жуткое, сладостное мгновение: Тильтиль вместе со своим псом перед закрытыми дверями. Все изменили, все оставили их. Их запугивали. Им грозили. Но они остались. Не потому, что им не было страшно, нет, а потому, что в них было мужество и человеческое дерзновение. Тильтиль стучал в двери, которые доселе никогда не открывались, стучал требовательно, настойчиво. Я им гордился и любил его. Я вспоминал его во время бомбежек и затемнений, в те дни, когда мрак фашизма угрожал нам. Только теперь я понимаю уже вполне весь глубокий смысл этой сцены. Разве все великие достижения человечества не являются результатом победы над пугающим мраком? Результатом мужественных дерзаний? Результатом сознания своего долга, победы над своими слабостями?

Я думаю, если бы мне теперь удалось в третий раз попасть на «Синюю птицу», я бы увидел в ней еще больше прекрасного и значительного, чем прежде...

* * *

Я ни разу не видал Качалова, но из всех актеров мира он для меня самый любимый. Вот как это получилось.

Украдкою от взрослых я рано прочитал «Гамлета». Привлекли меня к трагедии Шекспира интересные картинки. Сюжет мне очень понравился, как должен нравиться всем мальчикам, любящим приключения. В Молотове, во время эвакуации, в рабочем поселке по вечерам не горело электричество. Мои товарищи собирались в долгие темные вечера у горящей печки. Мы подкладывали лучинки в огонь и занимались рассказами. Судьба принца датского, помню, глубоко нас всех трогала. Мы очень волновались, бранили короля и Розенкранца. Доставалось и королеве. Все мы тогда усиленно фехтовали самодельными шпагами. Позднее я более серьезно думал о Гамлете. Мне хотелось, чтобы он воплотился в моем сознании в какой-нибудь зримый образ. Я начал искать Гамлета среди его сверстников и современников и жадно перелистывал историю живописи. Однажды мне Гамлет почудился в портрете «Юноши с перчаткой» Тициана, но только лишь на минуту: слишком юноша был спокоен. Я переглядел иллюстрации к Шекспиру и не нашел своего Гамлета. Пробовал сам рисовать его в развевающемся плаще на стене Эльсинора. Все попытки были тщетны. Мой Гамлет не имел лица. Совершенно случайно мне попалась маленькая книжечка, где Качалов изображен в роли Гамлета. Я был поражен: вот он, наконец, мой принц, единственный и неповторимый. Молодое, мужественное, печальное, вопрошающее, мыслящее лицо. Другим Гамлет и не мог быть. Все остальные — самозванцы!

Он печален, но в нем нет ничего надорванного: недаром он славится в Дании как лучший фехтовальщик. Он много книг прочел, но все еще ищет, испытывает, проверяет опытом. В сумрачный мир Средневековья пришел новый человек, мыслитель, открывающий новые миры. Гамлет-Качалов глядит несколько вверх. Он испытует, он анализирует все, не останавливаясь ни перед какими тайнами. Недаром, после разговора с призраком он спрашивает, где его записная книжка. Слова призрака-отца он проверяет опытом. Как хорошо он понимает жизнь, и как его печалит зло! Таким его дает Качалов. Через некоторое время я услышал в репродукторе голос Качалова. Он читал отрывки из «Гамлета» «Вы не умеете играть на простой дудке, а хотите играть моей душой»,— говорил Качалов, и звуки его проникновенного голоса я не

забуду никогда. Вот, вот они, подлинные интонации Гамлета! Качалов мне показал его...

По радио же я слышал и спектакль «Воскресение», записанный на пленку в 1936 г. Опять чудесный, гибкий, музыкальный голос Качалова тончайшими оттенками передал мысли Толстого. Мне кажется, что только слушая Качалова, я понял, как резко Толстой срывает все маски с людей старого мира. Все, вероятно, помнят, например, возмутительно лицемерные, оправдывающие интонации Нехлюдова (в передаче Качалова): «Так все делают»,— говорит он, разбив жизнь Катюши. Взволнованно, мягко Качалов рассказывает о горе покинутой Катюши. Слушатель верит Качалову: он искренен в своем творчестве. Отсюда глубокая серьезность его искусства.

Если смотришь инсценировку великого эпического произведения, то образы, созданные на сцене, часто вызывают чувство протеста: мы сами представляем их не такими. Образы «Мертвых душ» в Художественном театре, наоборот, гармонически слились в моем представлении с образами Гоголя. Я услышал сладкий голос Манилова, человека с бескрылой, бесплодной мечтой. Такие люди могли предаваться мечтам в своих беседках и раскладывать от безделья в ровные пирамидки пепел только потому, что на них работали тысячи рабов. Я узнал медвежье урчанье кулака-Собакевича, наглый хохот Ноздрева, «исторического» человека, занятого своими дикими аферами, драками, пьянством, нечистой игрой в карты. Я увидел вкрадчивого хапугу Чичикова. Глядя на свиноподобную Коробочку, тупоумную, крепколобую, в доме которой царит рутина устоявшаяся веками (она торгует пенькой и медом, словно при Ярославе), я думаю: ведь эти «матушки-помещицы» были организаторами хозяйственной жизни России, владетельницами живых душ. Хорошо, что очистительная гроза семнадцатого года смыла навсегда эту слизь!

Недавно я видел «Вишневый сад» Чехова. Эта постановка взволновала меня, я опять в ней почувствовал гениальность Станиславского. Как известно, «Вишневый сад» — последнее произведение Чехова. Он сам был врач, он знал, что смерть уже стоит у его порога. «Вспыхивали фразы большого томления и грусти» (Станиславский). Но мир все еще окрашен для Чехова белым цветением вишневого сада. Он верит в жизнь, верит в светлый путь человечества, верит в счастье. По Чехову не следует сочувствовать Раневским и Гаевым. Они — мелкие водевильные герои. Лопахины только тем и полезны, что ускоряют гибель их мирка, построенного на глубокой социальной неправде. Станиславский, на мой взгляд, не отверг этого толкования автора. Но он почувствовал лирический подтекст, он увидел в пьесе самого Чехова.

С основной темой сюжета сплетаются и темы рока и счастья. Чехов прощается с жизнью. Гибнет прославленный, чудесный сад, где ночами поют соловьи. Где-то лопнула струна. Глухо стучат топоры. Как в V симфонии Бетховена, судьба стучится в дверь. Как «Requiem» Моцарта, «Вишневый сад» — это завещание в художественных образах.

* * *

Говоря о влиянии на нас, молодежь, «художественников», нельзя не сказать о книге Станиславского «Моя жизнь в искусстве». Жизнь Станиславского — великий пример целеустремленности; он живет одним искусством, но его искусство служит Родине и народу. Он всегда ищет, сомневается, не останавливается на достигнутом. Он строг к себе и к своим соратникам. Его удачи — не случайные находки, а плоды долгих трудов, хотя все согрето и освещено гениальностью.

* * *

Станиславский и Немирович-Данченко создали театр мирового значения, собрали вокруг себя актеров мирового масштаба. И все же Художественный театр — наш, русский, московский, в нем воплотилось все лучшее нашей культуры: народность, широта, размах, философская углубленность, гуманизм, служение добру и правде.

Н. Метт
(9 класс «В» 243-й средней женской школы Дзержинского района)

О ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ

«Художественный театр — это лучшая страница той книги, какая будет когда-либо написана о современном русском театре».
А. П. Чехов.

Благоговейное, трепетное волнение охватывает меня, когда я вхожу в Московский Художественный театр, самый любимый, самый близкий мне театр. Как много видели гладкие, строгие стены его небольшого уютного зала!

Простой занавес с парящей белой чайкой вот уже полвека бережет незабываемые образы, созданные артистами МХАТ. Там цветет «Вишневый сад», бьётся «Горячее сердце», там страдают «Три сестры», борются «Враги», любит и мучается «Дядя Ваня», там ищут «Синюю птицу», там слышится звон «Кремлевских курантов» и гневно звучит «Русский вопрос», там воюют «Победители» и ярко горят «Дни и ночи» героев Сталинграда.

* * *

...Медленно гаснет свет... Открылся занавес, и сразу повеяло на меня тем особенным чудесным ароматом, который присущ только этому театру.

«Мертвые души».— «Давненько я в шашки не играл»,— раздаётся весёлый голос, и я слышу, вижу Ноздрева, о котором я читала в гоголевской поэме, о котором писала в школьном сочинении. Вот он, живой, настоящий, точно такой, каким он мне представлялся!

* * *

В ярком образе Владимира Ильича Ленина, в простом и мужественном облике матроса Рыбакова, в страстной, обличительной речи Гарри Смита, в отважных полководцах сталинской школы Муравьёве и Проценко, в каждом образе, в каждом слове, звучащем со сцены МХАТ,— огромная сила жизненной правды.

Мне не довелось видеть на сцене Художественного театра гениальных артистов, которые его создали, создали ему славу и имя, заложили великие реалистические традиции. Я люблю их замечательных учеников и продолжателей: благородную Тарасову, страстную Еланскую, смеющуюся Андровскую, мягкого Станицына, мужественного Ливанова, добродушного Яншина, обаятельного Грибова, люблю их всех, их вели-

колепный актерский ансамбль. И оттого глубже проникают мне в душу слова, произносимые на сцене, оттого понятней становятся высокие идеи спектаклей Художественного театра.

* * *

Сверкающее искусство артистов, режиссеров и художников, глубокая идейность спектаклей сделали Художественный театр лучшим драматическим театром в мире. Однако МХАТ прежде всего — русский театр. «МХАТ,— говорил И. М. Москвин,— всегда был театром глубоко национальным, он выражал лучшие идейные стремления русского народа; МХАТ всегда с гордостью чувствовал себя театром Чехова, Горького, Толстого, театром, воплотившим в живых образах душу народа, его психику, красоту национального характера, поэзию родной страны».

Вот почему так горячо и искренне переживаешь все, что происходит на сцене, вот почему уходишь из театра с новыми чувствами и новыми взглядами, унося с собой все то большое и чистое, что хотел донести и донёс до зрителя Художественный театр. Недаром Максим Горький, имя которого носит театр, писал: «Художественный театр — это так же хорошо и значительно, как Третьяковская галлерея, Василий Блаженный и все самое лучшее в Москве».

А. Каспарова
(10 класс «А» 610-й женской средней школы Щербаковского района).

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ТЕАТР

«...истина страстей, правдоподобие чувствований».
А. С. Пушкин.

Театров в Москве очень много, но больше всего я люблю Московский Художественный театр. Когда входишь внутрь здания, то прежде всего поражает его необычайная скромность. Здесь нет золотых пятен и тяжелого бархата, все очень просто и вместе с тем очень красиво. Точно так же необычайно просты и красивы спектакли Художественного театра. Особенно нравятся мне на его сцене чеховские пьесы. Из них больше всего я люблю «Дядю Ваню».

Я помню, с каким нетерпением ожидала я начала спектакля. Это было мое первое настоящее знакомство с театром. Время словно остановилось. Я никак не могла дождаться третьего звонка. Но вот, наконец, свет начал медленно гаснуть, так медленно, что прошла, казалось, еще целая вечность. Зал погрузился в полумрак, только белела на занавесе традиционная чайка. Вот пропала и эта последняя преграда, и я забыла обо всем на свете, не могла думать ни о чем, кроме того, что происходило на сцене. Вот появился дядя Ваня. Уже с первых же его слов стало ясно, что хотя и ярко светит солнце, хотя и распустилась душистая сирень,— невесело живется обитателям имения.

Б. Г. Добронравов, игравший роль дяди Вани, с большим мастерством показал все переходы в настроении своего героя. Вначале дядя Ваня еще спокоен, но постепенно он начинает понимать, что все свои силы он вложил в мыльный пузырь, который лопнул от малейшего дуновения ветерка. Дядя Ваня потерял самое главное — веру в цель жизни. В каждом жесте артиста видна была необычайная тоска, тоска о загубленной молодости.

Но страдает не один дядя Ваня,— погублена жизнь Сони, прекрасный образ которой создала совсем еще молодая артистка Е. А. Хромова. Ее Соня — это скромная труженица, всю свою жизнь отдавшая другим. Совершенно нестерпимой становится жизнь Сони и дяди Вани с приездом профессора Серебрякова. Он словно заслонил от них своей черной тенью свет солнца. Глядя на этого самоуверенного старика, хотелось крикнуть ему: — «да уйдите же со сцены, не мешайте жить честным хорошим людям».

А когда в последний раз закрылся занавес, то не хотелось верить, что спектакль уже окончен, не хотелось уходить из театра.

С тех пор я стала часто бывать в Художественном театре. Я видела великих художников сцены, актеров первого поколения. На всю жизнь останутся у меня в памяти и спокойная, сосредоточенная фигура Качалова, и ясный, негромкий голос М. М. Тарханова, и открытая улыбка О. Л. Книппер-Чеховой. На смену им пришло второе поколение, которому были переданы и естественность движений, и правдивость, и жизненность каждого жеста, каждого взгляда.

Актеры Художественного театра отличаются тем, что они живут жизнью своих героев, не отделяя ее от своей собственной. Самые трагические моменты разрешаются здесь с жизненной простотой. Вот отчего в Художественном театре невозможно увидеть ни резких жестов, ни перекошенных злобой лиц. Вот отчего я так люблю этот театр, вот отчего, сидя в зале, я забываю об условностях сцены и не могу дождаться, когда же, наконец, померкнут матовые шары под потолком и раздвинется занавес.

На сцене МХАТ отразилась не только жизнь прошедших лет, но и жизнь современная. В пьесах «Победители» и «Дни и ночи» я видела трудную и суровую жизнь защитников Сталинграда, а в пьесе «Хлеб наш насущный» те же герои войны показаны в мирной обстановке, в дни восстановления народного хозяйства. И в этих спектаклях все также прекрасны актеры Художественного театра. Одинаково красива и обаятельна А. К. Тарасова и в роскошном наряде Елены Андреевны, и в скромном ватнике военного врача. В грубой солдатской шинели не менее красива И. П. Гошева, чем в белом воздушном платье Ирины. Низкие своды землянки, полутемный подвал в разрушенном доме не могут заглушить изумительного голоса, не могут заслонить от зрителей блеска прекрасных глаз. И И. П. Гошева, и А. К. Тарасова создали в этих спектаклях образы самоотверженных русских женщин, скрашивающих своим присутствием суровую неприглядность походной жизни.

Каждый, кто был хоть раз в Художественном театре, надолго запомнит настороженную тишину зала, белую чайку на занавесе и доведенную до совершенства игру прекрасных актеров.

Л. Климова
(10 класс «А» 610-й женской средней школы Щербаковского района).

НАЧАЛО МОЕЙ ЛЮБВИ К ИСКУССТВУ

«Мама, а почему праздник и елка только там, напротив, у тех детей. Отчего же ее нет у Митиль и Тильтиль?» — спрашивает маленькая девочка с черными косичками.— «Тише, тише, ты мешаешь смотреть»,— отвечает сурово мать. И девочка опять превращается вся в слух и зрение. Она тоже вместе с Митиль и Тильтиль видит там, на столе у бо-

гатых детей, вкусное пирожное, фрукты, золотые игрушки, висящие на елке, видит, как подъехали две кареты, откуда вышли 12 мальчиков, слышит чудесные звуки музыки и забывает, что она находится в театре. Она поражена прелестной зеленой шапочкой и сказочным превращением старой феи в принцессу.

«Пошли за Синей Птицей»,— слышатся как сквозь сон, слова, сказанные вначале Феей, затем Тильтиль и Митиль.

«По-шли — за — Синей — Пти-цей» — Эти слова вместе с музыкой, на фоне которой они говорятся, беспрестанно звучат в ушах в продолжение всего спектакля.

Ну, что же будет дальше с Тильтиль и Митиль? Найдут ли они Синюю Птицу или нет? Вот вопросы, которые сильно волнуют маленькую зрительницу. И она ужасно огорчена тем, что Синюю Птицу так и не нашли. А слова Тильтиль, сказанные в финале пьесы: «Если кто-нибудь из вас найдет Синюю Птицу, принесите нам пожайлуста. Нам она очень нужна, чтобы быть счастливыми в будущем»,— глубоко западают в душу ребенка, который думает, что, может быть, и он найдет Синюю Птицу, приносящую счастье.

Этой маленькой девочкой, на которую спектакль произвел такое сильное впечатление и которая хотела найти Синюю Птицу, была я. Мне было восемь лет, и я тогда впервые пошла в настоящий «взрослый» театр. Какая это была радость: «настоящий» театр.

С тех пор прошло уже девять лет, но я до сего времени не забыла и не забуду этого первого посещения Художественного театра, которое и положило начало моей безграничной любви к искусству вообще и к театру в частности.

Как ни странно, но когда сейчас я хочу представить себе здание МХАТ, его внешнюю и внутреннюю часть, у меня возникает часто то представление, которое осталось от первого посещения.

Описать его невозможно. Надо видеть, надо чувствовать все то, что говорит здание этого театра сердцу и воображению.

Совершенно недавно, год тому назад я вновь увидела в концертном исполнении «Синюю Птицу», но не весь спектакль, а только отрывок из 1-го действия.

Тильтиль играла Бендина, Митиль — Морэс.

Впечатление от игры было опять-таки огромное.

«Ну и свету там, ну и свету, а игрушек: сабель, солдатиков, пушек. Ой, как много!» — говорил возбужденно Тильтиль-Бендина, указывая рукой куда-то вдаль, за спины зрителей. И этому верили. Сидящие рядом со мной дети без конца оглядывались назад. Вначале я спокойно сидела и от души улыбалась, смотря то на детей, то на актеров. Но вдруг, неожиданно поддавшись этому общему искушению, я оборачиваюсь назад, надеясь тоже увидеть и «большой свет» и «игрушки» и «музыкантов» и в смущении поворачиваю обратно голову.

И опять те же слова, сказанные полушопотом («Пошли за Синей Птицей») и очаровательная музыка надолго остаются в памяти.

Художественный театр!

Как много в этом слове для сердца русского слилось, как много в нем отозвалось!

Спектакли этого театра, как, например, «Дядя Ваня», в котором меня поразила сильная, глубокая, страстная игра Б. Добронравова, «Три сестры», где замечательно играют Георгиевская, Ершов, Тарасова, «Школа злословия» — с тонкой искренней игрой Андровской, «Мертвые души» — с навсегда запоминающимся образом помещика Ноздрева-Ливанова, «Хлеб наш насущный», с прекрасным исполнением ролей Ро-

гова (Болдуманом), Наташи (Бендиной), Тихого (Грибовым), Лукерьи (Георгиевской) — спектакли эти заставляют меня забывать себя, переносят в какое-то другое, не свое положение, я сливаюсь с ними душою. Они объединяют чувство, мысли и волю зрителя.

Лучшие спектакли МХАТ — это выражение жизни, это — высочайшее проявление могущества человека.

Я восхищена дивным чтением Качалова (несмотря на то, что слышала его только по радио) стихотворений Пушкина, одного из любимейших моих поэтов.

«Вновь я посетил тот уголок земли, где я провел изгнанником два года незаметных» — несутся из репродуктора чарующие звуки его голоса, и я на мгновенье замираю.

И вот совсем недавно великий актер скончался.

«Пускай ты умер. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету».

Только вперед, через трудности к победе, только к вершине искусства — вот девиз актеров этого театра, девиз поистине прекрасный.

Московский Художественный Академический театр — это гордость Москвы, гордость всего Советского Союза, гордость русского искусства.

Н. Голикова
(10 класс «А» 57-й женской средней школы Киевского района).

МЕЧТА, ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

Я многое пересмотрела в Художественном театре. Он владел мною, моими думами, планами, я мечтала о сцене, о ролях, которые буду играть, это были роли Андровской, моей любимой актрисы. В своем увлечении я не думала ни о чем, что могло бы помешать этому. Все было так легко, просто и, конечно, осуществимо.

Став старше, я поняла, что театр не забава, не предмет для любования и восхищения, а большая серьезная школа и, чтобы стать актером-художником, надо быть человеком одаренным, тонким и очень требовательным к себе.

* * *

Я люблю русскую литературу, особенно Пушкина, Толстого, Чехова, Гоголя. Меня интересует не только их творчество, но и жизнь. Поэтому спектакль «Последние дни» я просмотрела с большим интересом. Все то, что я когда-то читала и слушала о жизни поэта, его друзьях и врагах, эпохе, в которую он жил, прошло передо мною в нескольких сценах, в течение которых актеры ввели нас в мир чувств и настроений героев, раскрыли их и с большой силой показали губительное влияние самодержавия, паутину, которую оно сплело, чтобы засасывать все передовое и жизненное.

Передо мной прошла вереница людей ограниченных, вредных своим бездушием и эгоизмом. Особенно мне запомнился Дантес в исполнении Масальского. Я увидела под красивой внешностью черствое сердце и пустую грязную душу. Актер создал образ именно такого человека, про которого можно сказать словами Лермонтова:

«...из далека,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока,
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый
На что он руку поднимал».

Пушкина нет в спектакле, но он главный герой его, актеры создали его образ, раскрыли духовный облик и дали почувствовать великую душу поэта.

Я впервые видела, как мастерство и талант делают недействующее лицо главным героем пьесы.

* * *

В течение месяца мы изучали творчество Чехова; его пьесу «Вишневый сад» было очень интересно посмотреть после того, как были разобраны особенности чеховской драматургии. Я хорошо знала пьесу, и мне хотелось уловить эти особенности, проследить, как они раскрываются театром.

Чехов учил, что на сцене все должно быть так же сложно и вместе с тем так же просто, как и в жизни. И это я увидела в Художественном театре.

На сцене была жизнь с ее обычными повседневными явлениями, а я, глядя в хорошо знакомые лица актеров, не видела их; передо мной были Раневская, Аня, Лопахин...

Внешне все было очень обыкновенно, и казалось, что герои давно знакомы тебе, ты знаешь их семью, быт, а сейчас опять сталкиваешься с каким-то событием в их жизни. Но это только внешняя простота, положение героев очень тяжело, даже трагично, и я почувствовала это очень скоро.

Театр раскрыл и убедил меня в том, что в жизни нет ничего легкого и простого, а все серьезно и важно.

Нет слов, чтобы выразить впечатление, произведенное на меня О. Н. Андровской. Ее Раневская — обаятельная, восторженная женщина, мягкая и добрая, но необыкновенно беспомощная, легкомысленная и нравственно опустошенная. Андровская заставляет зрителя жить чувствами героини. Ее юмор так весел и заразителен, что смеешься и ты, а плачет она, и горе ее так велико и искренне, что тебе становится горько и тяжело.

Андровская всегда побуждает меня сделать что-нибудь полезное и нужное, такое, что не пройдет мимо других, а взволнует и вдохновит их на высокое и благородное так же, как вдохновляет меня ее великолепное мастерство.

Второй женский образ пьесы — Аня в исполнении Гошевой. Смелая и сильная, уверенная в новой жизни и счастье, она увлекает за собой.

И исчезает невольная жалость к Раневской; мы уходим, зараженные оптимизмом Чехова, ожиданием светлого будущего.

И кажется, что и на твоих плечах лежит часть ответственности за будущее, и хочется работать, трудиться, чтобы сделать его еще лучше, прекраснее.

* * *

Я перестала увлекаться театром, я стала любить его. Теперь я

твердо знаю, что не буду актрисой, но время, проведенное в чудесных мыслях об этом, дало мне много хорошего. Мне отрадна мысль о творческом труде, через несколько лет я превращу ее в дело. Я поняла, что творчество возможно и нужно всюду, не только на сцене. Театр пробудил во мне стремление к нему, сознание того, что кем бы человек ни был, он обязан быть творцом, в этом его счастье и сила.

Передо мной открывается широкая дорога жизни, и жажда творческого труда, зажженная во мне театром, убеждает в том, что и я буду строителем коммунистического общества.

М. Грисман
(10 класс 114 мужской средней школы Советского района).

НАША «СИНЯЯ ПТИЦА» НАВЕКИ ПРИНАДЛЕЖИТ НАМ

Я был второклассником, когда впервые попал в Художественный театр. Шла «Синяя птица» Метерлинка.

С того самого момента, когда раздвинулся занавес, украшенный росчерком белых крыльев чайки, и до той минуты, как он закрылся в последний раз под гром восторженных аплодисментов, я, затаив дыхание, не отрывая глаз, следил за блестящей игрой актеров, воплотивших в образах героев пьесы идеи смелой и неутомимой борьбы с трудностями и неослабевающей жажды счастья.

В моей памяти навсегда сохранилось это первое знакомство с прославленным театром.

С тех пор прошло больше семи лет.

Я уже заканчиваю курс в школе; не раз я смотрел новые прекрасные постановки театра, но светлые образы «Синей птицы» живут в моем сознании такими, какими я увидел их на сцене МХАТ. Их тесно сближает с нашим временем пафос дерзания, высокий пафос дружбы, любви и верности, которым полна игра артистов в этой пьесе.

Туманно-болезненная символика Метерлинка нисколько не созвучна нашему времени, но судьбы героев пробуждают во мне гордость за ту страну, в которой я родился, живу и учусь. Думая о будущем, я твердо знаю, что оно будет счастливым. Поиски счастья в наше время не могут быть неудачными и бесплодными, как у Тильтиля и его друзей. Наше счастье, наша «Синяя птица», добытая в труде и боях, навеки принадлежит нам.

За пятьдесят лет, протекших со дня основания МХАТ, изменилось многое. Неизменным осталось одно: горячая любовь народа к своему замечательному театру.

Мы, учащиеся, любим МХАТ, за то, что он помогает нам глубже понять и постичь величие нашего народа и нашего строя, мощь и своеобразие нашей культуры и красоту великого русского языка.

Нам дорог Художественный театр тем, что с ним связаны самые яркие страницы истории русского искусства, тем, что он на протяжении своей полувековой истории показывает пример беззаветного служения родному народу, горячей любви к родине, высокого гуманизма, идейности и партийности в искусстве.

Пусть же в славный день юбилея среди множества искренних ра-

достных поздравлений звучит и наше слово — слово учащихся советских школ.

Желаем ему с прежним мастерством и новой силой отразить величие нашей Сталинской эпохи — эпохи строительства коммунистического общества, эпохи осуществления вековой мечты человечества о счастье!

А. Тартаковский
(9 класс 20-й мужской средней школы Ленинского района).

ВДОХНОВЕННОЕ ИСКУССТВО

Летящая над волнами Чайка... Эмблема Художественного театра...

Занавес с Чайкой открывается и вы видите хищника Чичикова, урода-помещика Собакевича, «сентиментальную размазню» Манилова, «прореху на человечестве» Плюшкина, дошедшего до последней степени падения.

Вы видите гниль, ложь, лицемерие самодержавно-крепостной России, с ее беззастенчивым взяточничеством, казнокрадством, рукоприкладством и всеми другими язвами, разъедавшими русское общество той эпохи.

* * *

Вы сидите в зале Художественного театра... Но вам кажется, что вы в доме Прозоровых среди своих старых знакомых. Со слезами на глазах воспринимаете вы трагическую гибель Тузенбаха, всем сердцем ненавидите пошлую мещанку Наташу, вместе с тремя сестрами вы — в стремительном порыве к счастью...

Но вы прекрасно понимаете, что мечтания их бесплодны: не могут они воплотить их в жизнь...

И чеховская грусть об увядающей напрасно красоте ясно ощутима в притихшем зале замечательного театра.

Вы слышите пророческие слова Тузенбаха: «Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, предубеждение к труду, равнодушие, гнилую скуку... через какие-нибудь 25—30 лет, работать уже будет каждый человек...».

Всем хочется услышать радостный крик Пети Трофимова: «Прощай, старая жизнь»... и звонкий, трепещущий голос Ани: «Здравствуй, новая жизнь»...

Предчувствие надвигающейся борьбы... привет грядущему новому... О, светлый гимн прекрасной, жизнерадостной молодости...

Вы уходите из театра с волнующей мечтой Ани — в борьбе найти дорогу к счастливому и прекрасному будущему...

* * *

Что такое в нашем понимании Московский Художественный Академический театр? Что мы чувствуем, что представляем себе, какие образы и картины видим, когда произносим эти четыре слова?

Мерещится полутемный, освещенный тусклым светом керосиновой лампы сарай в Пушкино, где молодой актер Иван Москвин репетирует роль царя Федора...

Возникают яркие, выпуклые образы, созданные великими «стари-

Сталинградская областная библиотека им. М. Горького
90
1622

ками» МХАТ'а — Станиславским, Качаловым, Москвиным, Книппер-Чеховой, Леонидовым, Вишневским, Лилиной, Тархановым.

Слышится пленительный, полный обаяния голос Качалова...

Звучат гневные, обличительные речи героев Горького, указавшего театру его общественно-политический путь...

Всплывают видения прошлого... Середина октября 1898 года. Каретный ряд. Серое, неуклюжее здание Эрмитажа. Наскоро отремонтированный театр. Он — полон: на афише, извещающей, что в «среду 14 октября 1898 года труппа Художественно-общедоступного театра покажет трагедию А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович», видна надпись: «Билеты все проданы»... И вот в затихающем зале медленно тухнут огни, открывается занавес — и звучат первые слова: «На это дело крепко надеюсь я»...

* * *

Не случайно ли, что первыми произнесены эти пророческие слова? Нет, не случайно.

«На это дело» крепко надеялись представители лучшей, прогрессивной части русского общества.

И надежды эти полностью оправдались.

Недаром великий Ленин в начале революции сказал, что «если есть театр, который мы должны из прошлого во что бы то ни стало спасти и сохранить, это, конечно,— Художественный театр».

* * *

Наше поколение, рожденное после Октября, знает старую, дореволюционную Россию лишь по рассказам старших и по книгам. Нам чужда безысходная тоска трех сестер, мы не знаем хищников Лопахиных, не представляем себе трагедии людей, опущенных на «дно» жизни...

Но мы научились ненавидеть монархический строй старой России..., значительный вклад в это дело внес Художественный театр...

Его искусство — искусство, зовущее вперед.

Л. Прасолова
(10 класс «В» 188 женской средней школы Коминтерновского района).

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР В МОЕЙ ЖИЗНИ

Я училась во втором классе... Как-то раз мне сказали, что завтра я пойду в Художественный театр. Это было необычно и интересно: до сих пор я бывала только в детском театре.

Утром я ничего не могла есть от волнения, которое старалась скрыть...

Вот, наконец, и театр. Поднимаюсь по лестнице и чувствую, как часто и громко бьется сердце, как бледнею от волнения и интереса ко всему окружающему.

Я ни о чем не хотела спрашивать, я все, все хотела понять сама. Все кругом было просто, но как-то совсем необычно.

В тот день шла «Синяя Птица». Все, что происходило на сцене, очаровывало и так увлекло, что я забыла обо всем на свете, а когда

кончился спектакль, все сидела и с изумлением смотрела на тяжелый сомкнувшийся занавес, за которым исчез прекрасный волшебный мир.

Вечером все ушли из дома, а меня оставили одну: я должна была заниматься музыкой. Свою скрипку я очень любила, а когда кто-нибудь играл на ней, вся тонула в мягких, нежных, матовых звуках... Но в этот вечер мне не суждено было играть на скрипке. Я обрадовалась тому, что осталась одна. Почувствовав себя свободной, я отдалась своим мыслям; воспоминания, мечты, вопросы полились рекой...

Когда на следующий день я пришла в музыкальную школу с неприготовленным уроком, я очень просто объяснила причину: думала о синей птице, вот и все.

Я полюбила Художественный театр сразу, сильно и навсегда. В этом было очень легко убедиться: я не могла пропустить ни одной новой постановки, да и старые готова была смотреть еще и еще.

Художественный театр внес в мою жизнь свежую струю нового, живого интереса ко всему тому, что окружало меня.

Художественный театр научил меня любить людей, жизнь, мир; научил ненавидеть все, что стояло по другую сторону красоты, искусства, музыки.

Когда во время войны, мы жили в глухой деревеньке на берегу Ветлуги, я часто брала в руки скрипку и с грустью вспоминала Художественный театр, свое первое знакомство с ним. Именно тогда я впервые почувствовала, что люблю театр и что никакая книга не может заменить собой живые, яркие, одухотворенные образы, которые вставали перед моими глазами на сцене Художественного театра. Как-то раз я подумала: какой была бы жизнь без театра, музыки, искусства, а, значит, без красоты и любви, без гордости, мужества и подвигов, и мне стало страшно, как было страшно однажды, когда вдруг я всем существом представила себе на мгновенье бесконечность вселенной...

Теперь в Художественном театре все осталось попрежнему. Как и раньше, в нем все просто и красиво, скромно и возвышенно. Как и прежде, я часто бываю в Художественном театре и всегда чувствую, как в душе рождаются новые, светлые и радостные мечты, благородные стремления.

Всю бы, казалось, себя отдала, лишь бы людям хорошо было и счастливо. После каждого спектакля уносишь с собой новые мысли, новые решения. Мне кажется, что то же самое испытывает каждый человек...

Работники театра внесли неоценимый вклад в наше искусство, в нашу замечательную социалистическую культуру.

Художественный театр помогает нашей стране строить новую культуру, новый быт, новое общество, а это значит, что он помогает строить коммунизм, помогает укреплять мир.

И. Чубукова
(10 класс «Б» 446-й женской средней школы Сталинского района).

ТЕАТР ВЫСОКИХ МЫСЛЕЙ И ЧУВСТВ.

Мне пришлось побывать в Художественном театре только десять раз и каждый раз я выходила оттуда с каким-то новым чувством, каждый раз театр задевал за живое, заставлял об очень многом задуматься.

Когда идешь в этот театр, кажется, что идешь к очень близким знакомым, встреча с которыми сильно волнует, радует тебя. Здесь, на сцене, все так жизненно, естественно; кажется, что ты не в театре, а живешь вместе с героями. Открывается занавес; на сцене яркий весенний день, день именин Ирины. Она весела, счастлива и ждет к себе гостей. Приходят гости, поздравляют Ирину, разговаривают о чем всегда говорят в гостях, смеются, садятся за стол закусывать, поют, снимают друг друга. Все это так близко каждому из нас, ведь все это бывает в день рождения каждого.

Просто, как в жизни, на сцене театра герои высказывают свои часто замечательные по своей правде и силе мысли. В повседневной жизни мы, может быть, часто не обращаем внимания на такие же интересные мысли наших друзей. В театре же, когда мы слышим их в устах героя, они врезаются нам в память. Мы часто говорим, например, о том, что каждый человек должен трудиться. Мы понимаем что труд необходим для человека. Но когда мы слышим на сцене слова Пети Трофимова или Тузенбаха о труде, сказанные ими так просто, по-дружески, понятно, то сразу становится ясно, что значит для человека труд, что в этом вся жизнь его, все его счастье. Посещение Художественного театра всегда сопровождается каким-то особенным душевным подъемом. Оно возбуждает страстное желание как можно больше знать, желание трудиться. И уроки учишь с каким-то особенным удовольствием, и даже нелюбимые предметы кажутся интересными.

Когда смотришь пьесу Горького «На дне» и слышишь слова Сатина о «трагически прекрасном человеке», которые он произносит с таким жаром, с таким глубоким чувством, то всю даже охватывает дрожь. Вдруг так ясно почувствуешь всей душой, что человек — это же лучшее, что есть на земле, и что жизнь человека должна быть такой же прекрасной, светлой, что все, что окружает Сатина, недостойно человека. Так хочется, чтобы быстрее это поняли люди «дна», быстрее бы осознали себя людьми. И самой хочется быть лучше, выше, чем есть. Только благодаря Художественному театру я поняла всю силу пьесы Горького, почувствовала ее, а ведь, когда я просто прочла ее, она мне даже не понравилась.

Художественный театр помог мне понять многие литературные образы, сделал гораздо более интересным изучение литературы, истории. То, что хорошо выучишь по книге, конечно, запомнится надолго, но то, что увидишь на сцене Художественного театра, вряд-ли вообще забудется. Образы Гоголя в «Мертвых душах», Горького — в пьесе «На дне», чеховские — в «Трех сестрах» и «Вишневом саде» как живые, стоят в моем воображении. Разве можно по-настоящему почувствовать всю прелесть пьес, не увидав их в театре?..

И если просто хочешь от души посмеяться, опять-таки идешь в Художественный театр. Как умело может сочетать этот театр веселость, тонкое остроумие с замечательной художественностью постановки, с покоряющей простотой игры!

Л. Сигаловский
(10 класс «Б» 59-й мужской средней школы Киевского района).

ЗА ЧТО Я ЛЮБЛЮ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР

Мне вспоминается суровая зима 1942 г. Война нас забросила в далекую сибирскую деревушку. Домик, занесенный снегом. Зимний вечер. Слабый огонек коптилки. Мама читает какую-то, видно, очень интересную книгу. Она улыбается, лицо ее озаряется каким-то внутренним светом. Эта книга — «Моя жизнь в искусстве» Станиславского...

Вместе с мамой я рассматриваю иллюстрации. Вот сцена из «Вишневого сада», вот — из пьесы «На дне» и много-много других. И мама начинает рассказывать мне о Художественном театре...

Зашла соседка-москвичка. И они с мамой погружаются в воспоминания о МХАТе. В доме становится необычно празднично и светло. Я слушаю. Я еще никогда не бывал в Художественном театре. Мне только 11 лет. Мама обещает, что, как только мы вернемся в Москву, она поведет меня в этот замечательный театр.

И вот я снова в Москве...

Я в театре на пьесе Симонова «Русские люди». Я весь поглощен спектаклем. Я и герои пьесы — одно неразрывное целое. Я вместе с ними радуюсь и волнуюсь. Мою маленькую душу волнует прощальная песня Глобы; трогает солдатская честность, простота и мужество Васина; хлынувшая через край ненависть к немцам Марии Николаевны и моя ненависть сливаются, и мне хочется бить, громить фашистских захватчиков; а предателю Харитонову хочется плюнуть в лицо... Сейчас я не помню, кто тогда исполнял какие роли. Тогда для меня не было артистов, не было сцены. Был Глоба, была Варя, были настоящие враги. Какие разнообразные чувства охватили меня после спектакля! То мне хотелось ехать на фронт и, подобно героям пьесы, драться с немцами. то мне хотелось стать артистом и так же возбуждать к действию других людей... Я был навеки покорен Художественным театром...

А вот «Мертвые души». Гоголевские персонажи как бы ожили. Я был перенесен совсем в другой мир. Как сейчас вижу перед собой неудержимого враля, хвастуна, драчуна, героя ярмарочных кутежей Ноздрева-Ливанова, или кулака, ругателя, обжору Собакевича, мастерски сыгранного Тархановым. Невозможно представить себе, чтобы можно было лучше исполнить эти роли. У меня нехватает красок, чтобы на бумаге описать несравненную игру артистов. Театр помог мне по-настоящему понять весь смысл и социальное значение этого произведения.

Я вспоминаю «Записки Пиквикского клуба» Диккенса. Когда я смотрел эту вещь, мне казалось, что я перелистываю прекрасную книгу с изумительно красочными иллюстрациями. Здесь все было так просто, искренне, живо. Все было проникнуто чудесным юмором Диккенса.

Да разве есть сейчас в МХАТе какая-нибудь неудачная постановка. какой-нибудь неудавшийся образ? В последующие годы я посмотрел еще ряд постановок МХАТа. «Горячее сердце», «Враги», «На дне», «Три сестры», «Кремлевские куранты», «Глубокая разведка», «Царь Федор Иоаннович», «Платон Кречет» — вот те пьесы, которые я видел и которые оставили во мне неизгладимое впечатление.

На каждом спектакле МХАТ я с досадой и горечью встречаю антракты, так как с каждым уходящим действием приближается конец

спектакля. А мне хотелось бы, чтобы пьесы не кончались, чтобы каждое движение, каждую фразу герои повторяли не один раз. Так все прекрасно.

Особенно, помню, поразил меня «Царь Федор Иоаннович». В роли слабого, безвольного царя я увидел Добронравова, которого до этого видел в роли Платона Кречета. Платон Кречет — это же прекрасный, сильный, волевой советский человек, замечательный хирург. И Добронравов оставался в моей памяти именно Платоном Кречетом. Я не мог себе его представить каким-нибудь другим. Его складка губ, каждый мускул лица, проникновенный взгляд — все обличало в нем человека исключительных душевных качеств, огромной силы воли, человека, который зовет быть таким, как он. И когда я прочитал в программе, что в роли царя — Добронравов, я, признаться, удивился. Я не мог себе представить одного и того же артиста и царем Федором и Кречетом. Но вот поднялся занавес, и я увидел... царя Федора. Почти ничего не напоминало «прежнего» Добронравова. Я был, повторяю, поражен. Я даже не мог восхищаться его игрой, ибо я не чувствовал здесь игры. Я не видел Добронравова-артиста — царь Федор, живой царь воскрес через несколько столетий, встал со страниц истории... Жидкие волосы, большой открытый лоб, слабая безвольная улыбка, светлый взгляд грустных глаз, какие-то неуверенные, робкие движения — вот портрет царя Федора.

Прекрасен Ершов в роли Бориса Годунова.

Изумительный образ царицы Ирины создала Еланская, так замечательно раскрыв редкое сочетание ума и воли, хрустальную чистоту души и мудрость сердца. Я никогда не забуду финала спектакля. Помню, последние слова царя Федора: «Господи, за что ты меня сделал царем»! — просто потрясли меня. Вот как трагедия одинокой личности и обреченность царской власти могут быть переданы одной фразой!...

Когда я пишу об одном спектакле, мне хочется говорить о другом, о третьем, обо всем, что я видел в Художественном театре...

«Кремлевские куранты»... Сколько жизненной правды, тонкого и в то же время беспощадного осуждения старого мира. В пьесе раскрыт период, когда ломался старый устой жизни, зарождался новый мир, ярким образом и символом которого стали кремлевские куранты. Крупнейшим общественно-политическим и художественным завоеванием театра в этой пьесе явилось создание образа В. И. Ленина. Грибов дал живой образ Владимира Ильича. Простой, со смешинкой, с шуткой, с быстрыми движениями, с неуемным интересом ко всему, что делается вокруг, что думают, чего хотят люди — именно таким я себе представлял нашего великого вождя. Прекрасен простодушный, прямой и честный Рыбаков у Ливанова. Как типичен этот образ для той эпохи, и сколько вместе с тем у него своего оригинального. Все это Ливанов раскрыл мастерски... Нет возможности подробно останавливаться на каждом исполнителе — каждый артист внес в спектакль свою частицу, каждая, даже небольшая роль, сыграна замечательно. В Художественном театре пьеса получила значительность широкого исторического полотна.

Но вот перед моими глазами мелькают герои пьесы «Глубокая разведка». Интересно отметить, что это произведение я читал до того, как посмотрел спектакль МХАТ. Тогда, я помню, оно заинтересовало меня, но не захватило. Много в нем было какой-то сухости. Некоторые герои казались схематичными. Но вот я увидел пьесу на сцене Художественного театра. И образы Майорова, Гулама Везирова, геолога Мо-

риса и др. заиграли красками, а я, затаив дыхание, почувствовал близкой себе и интересной судьбу всех персонажей, действовавших на сцене.

В Художественном театре внешняя форма спектакля всегда совпадает с внутренним его смыслом. Это ярко видно в «Глубокой разведке». Возьмем, например, первый акт. Сколько замечательных деталей: колеблющиеся солнечные блики на стене, яркий свет за досками барака, мокрое полотенце на шее у коменданта. Во всем ощущение изнуряющего зноя. Это ощущение передано великолепно.

Пьеса «Глубокая разведка» раскрывает перерождение людей из мелких обывателей в активных работников Советской страны.

* * *

Я люблю Художественный театр за все: за несравненную игру артистов, за глубоко-художественный критический реализм, за искание правды жизни, за веру в человека, в его высокие возможности. Я люблю его за то, что он правдиво и глубоко вскрывает драгоценные душевные качества русского человека.

Сквозь строй штыков Скроботовых и Бобоедовых и либеральную болтовню Бардиных несут свою большую правду Синцов и Левшин, ищет ее Надя («Враги»). К настоящей и большой жизни стремятся три сестры, полные душевной красоты и благородства. Гордо звучит слово о Человеке среди опустившихся обитателей ночлежки («На дне»).

Люди нашего времени не только мечтают о лучшей жизни, но и строят ее, борются за то, чтобы никто не сумел отнять у нас завоеванное Октябрем.

С. Егоров
(10 класс «Б» 518 мужской средней школы Кировского района).

НЕ СМОТРЕЛ, А ЖИЛ...

Исключительная удача: в первый раз в своей жизни я пошел в театр и попал именно в Художественный. Много времени прошло с тех пор, но тот момент, когда я, счастливый и взволнованный, вошел в зрительный зал, держа в руках билет на «Синюю птицу», навсегда запечатлелся в моей памяти.

Выключили свет, и большой занавес медленно открылся, показав небольшую комнатку и в ней двух детей, лежащих на своих постельках. Я был очень удивлен, увидя мальчика и девочку на сцене. «А говорили, что играют взрослые!» — думаю я, но в следующее же мгновение забываю обо всем на свете. Мне кажется, будто я сижу вместе с мальчиком и девочкой, смотрю с ними в окно, разговариваю о синей птице.

Когда появляется дух теста, я очень пугаюсь и хватаю маму за рукав, но потом оказывается, что этот дух совсем не страшный. Храбрый Тильтиль и отважная Митиль отправляются на поиски синей птицы, а я мысленно иду вслед за ними.

В антракте мне не хочется уходить из зала: я боюсь, как бы с детьми чего-нибудь не случилось, пока я буду гулять. Я остаюсь в зале.

Снова поднимается занавес, я вижу царство Ночи и удивляюсь,

почему Ночь с крыльями, но спросить не успеваю. Тильтиль открывает какую-то дверь и оттуда выходят болезни. «Спасайтесь, спасайтесь!»— кричу я, но кто-то из соседей говорит мне: «Мальчик, не кричи, все будут живы и здоровы». Я умолкаю; мне очень жаль Митиль, которая устала и не может итти...

Опять та же маленькая комнатка. Тильтиль и Митиль лежат на своих местах и говорят о синей птице. Занавес опускается.

Все встают и спешат к выходу, а я продолжаю сидеть, оглядываюсь назад, и жду, где же остались сказочные мальчик и девочка.

Я старался подражать Тильтилю, старался быть таким же храбрым и отважным, как он.

Прошло несколько лет, и я снова в Художественном театре. Я уже не семилетний мальчик, а семиклассник. Теперь меня интересует как содержание пьесы, так и игра артистов и оформление спектакля.

Я смотрю пьесу А. М. Горького «На дне». Снова сижу в затемненном зале и слежу за серым занавесом, на котором вышита летящая чайка. Я вижу грязный подвал, в котором помещается ночлежка. Действие, как и когда-то в детстве, полностью захватывает меня, и мне кажется, будто я не в театре, а нахожусь в этой ночлежке, одет в такую же рваную, заплатанную одежду, как и обитатели этого подвала. Здесь живут, или вернее влачат существование, воры и безработные, странники и пьяницы, профессиональные картежники и обедневшие дворяне. Их день начинается обычно руганью, повторяющимися, надоевшими разговорами. Невольно думаешь: «Неужели на самом деле были такие ночлежки, были такие люди?» И сам себе отвечаешь: «Да, были». Смотришь как и чем жило это «дно», и радуешься, что теперь нет и никогда больше не будет подобных условий жизни, о которых можно узнать только по книгам или в театре.

Однако я уже не зритель: мне кажется, что я сам нахожусь в ночлежке, что я то-Сатин, то-Актер, что принимаю участие в их разговорах. Вот умирает Анна. Никто не плачет, не жалеет ее, некоторые даже завидуют ей, ибо она уже «отмаялась». Люди дерутся, пьют водку, играют в карты и я думаю: «Это действительно «дно» общества, но люди попали сюда не по своей воле: их загнала бедность и нужда».

Вдруг, как гром, раздаются слова Сатина: «Человек! Это звучит гордо! Надо уважать человека!» Мне становится хорошо; я чувствую, что среди этих людей есть смелые натуры, умеющие заставить верить в человека, они как-то делаются мне дороже. Здесь, где человеческая жизнь абсолютно не ценится, где смерть считается избавлением, такие прекрасные слова!

Но это только слова; через некоторое время, когда Барон сообщает о самоубийстве Актера, никто не обращает на это внимания, а Сатин, только что призывавший уважать человека, говорит с досадой: «Эх, испортил песню, дурак!».

Я очнулся, я чувствую, что все-таки я в театре, ибо в наше время уважение человека является общественным законом, а не только словами, устремленными в будущее.

Возвращаясь домой, я думал: «Сколько нового о кошмарной жизни прошлого я узнал за такое короткое время!».

Я не мог анализировать, хорошо ли играли артисты, ибо я не смотрел пьесу, а жил вместе с ее героями.

В художественном театре не играют, а живут. Зрителя берут в плен... Он перестает смотреть и начинает жить.

А. Николаева
(10 класс «Б» 655-й женской средней школы Железнодорожного района).

ОТ СЕРДЦА, ГОТОВОГО НА ПОДВИГ.

«...Маша. О, как играет музыка. Они уходят от нас, один ушел совсем, совсем навсегда; мы останемся одни, чтобы начать жизнь снова. Надо жить... Надо жить...

Ирина. Придет время, все узнают, зачем все это, для чего эти страдания, никаких не будет тайн, а пока надо жить,... надо работать, только работать. Завтра я поеду одна, буду учить в школе и всю свою жизнь отдам тем, кому она, быть может, нужна. Теперь осень, скоро придет зима, засыплет снегом, а я буду работать... буду работать...

Ольга. Музыка играет так весело, бодро и хочется жить. О, боже мой. Пройдет время и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь. О, милые сестры, жизнь наша еще не кончена. Будем жить Музыка играет так весело, так радостно и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать».

Музыка играет все тише и тише. Занавес закрывается, музыка совсем затихает, но я не в силах оторвать глаз от сцены. В ушах звучат последние слова пьесы, звуки музыки, а в сердце чувство, с которым можно идти на подвиг, с которым можно бросить вызов жизни, гордое, радостное чувство любви к жизни.

Три раза смотрела я пьесу Чехова «Три сестры» на сцене Художественного театра, но каждый раз впечатление от этого спектакля оставалось такое же (если не сильнее) как в первый раз. Как замечателен этот спектакль, как много он мне дал! Милые, дорогие сестры, они стали так близки мне. Добрая, хорошая Ольга — в исполнении народной артистки Еланской. Ирина — в исполнении народной артистки Степановой и, наконец, — Маша — в исполнении самой любимой артистки — Тарасовой.

Я очень люблю вообще всякий театр, ибо каждый спектакль, будь то опера, драма, комедия, дает что-то новое для человека. Я сама чувствую, как после каждого спектакля в моем сознании появляется новое понимание того или иного явления жизни, а в душе новое чувство.

Но ни один театр не может сравниться с МХАТ. Его порог я переступаю с особым чувством. Все в МХАТ, начиная от игры артистов, репертуара и кончая самим зданием, занавесом с эмблемой чайки, нравится мне.

Кстати о здании. Как хорошо, что МХАТ остается в нем. Правда, значение Художественного театра не зависит от здания, в котором он помещается, но одно так дополняет другое, что мне трудно представить МХАТ в другом здании.

В. Цоппи
(10 класс 12-й школы рабочей молодежи Молотовского района).

ВЕЛИКОЕ ИСКУССТВО

Мое знакомство с Художественным театром состоялось в раннем детстве: я увидел «Синюю птицу». Помню, что сидел зачарованный, забыв, что я в театре, даже порывался побежать на сцену, помочь найти прекрасную синюю птицу...

Прошли годы... началась война...

Многие из детских воспоминаний потускнели, а «Синяя птица» не забылась...

* * *

1944 год... я опять в Художественном театре. Справлялся сорокалетний юбилей «Вишневого сада»; играли юбиляры: в роли Раневской — Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, в роли Гаева — Василий Иванович Качалов, в роли Епиходова — Иван Михайлович Москвин. Меня поразила высокая жизненная правда и простота, с которой великие актеры играли пьесу Чехова. Казалось, что перед зрителем не театр, не актеры, а сама жизнь.

* * *

Хотелось увидеть пьесу А. М. Горького «На дне» и удалось увидеть ее с Москвиным в роли Луки и с Качаловым в роли барона. Ощущалась великая сила, подлинная безыскусственность — самое характерное для искусства Художественного театра.

Образы А. М. Горького предстали преображенными, мир его героев расширился. Я видел несчастного, опустившегося барона, вспоминавшего: «Дом в Москве. Дом в Петербурге. Кареты... кареты с гербами», видел хитрого, лукавого странника Луку, видел такими, как представлял их себе, но понятными по-новому, шире и яснее.

В Художественном театре всегда так. Его артисты умеют истолковать образ, дополнить его, показать то, чего не досказал автор.

В Художественный театр приходишь не развлекаться, а учиться, учиться жить с людьми, для людей, понимать человека.

В. Котов
(10 класс «В» 370-й мужской средней школы Сокольнического района).

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ТЕАТР

Под солнцем социализма мощно расцвело искусство в нашей стране. Великая Октябрьская социалистическая революция открыла доступ к культуре и искусству широким народным массам. Это оживило искусство, дало ему новые неисчерпываемые силы. Это целиком относится к советскому театру.

Ни в какой стране театр не пользуется такой любовью и вниманием, нигде не играет такой важной роли как в Советском Союзе. Большевистская партия неустанно помогает советскому театру двигаться вперед. Она поставила перед ним задачу создавать «яркие, полноценные в художественном отношении произведения о жизни советского общества,

о советском человеке». Советский театр тесно связан с народом и работает для народа.

Особенной любовью пользуется в нашей стране Московский Художественный театр имени Горького, который снискал себе славу одного из лучших театров мира. Художественный театр произвел переворот в истории русского и мирового театра, стал национальной гордостью нашего народа.

Это — и мой любимый театр.

Я много раз бывал в нем и в его филиале. Но всякий раз, когда гаснет свет и занавес с белеющей чайкой раздвигается, меня охватывает то же волнение, которое я испытал маленьким мальчиком, когда смотрел «Синюю птицу».

Художественный театр переносил меня в далекое прошлое, когда я смотрел «Царь Федор Иоаннович» или «Великий государь»; на поля сталинградской битвы («Победители», «Дни и ночи»); в дворянскую усадьбу («Вишневый сад»); на место труда советских людей («Глубокая разведка», «Алмазы»).

Не могу выразить словами, какое действие оказал на меня Художественный театр.

Театр возбудил во мне новые чувства, расширил мой кругозор, заставил глубже вдумываться в свои поступки.

К числу моих наиболее любимых пьес, поставленных Художественным театром, относятся «Три сестры» Чехова, «Таланты и поклонники» Островского, «Женитьба Фигаро» Бомарше, «Победители» Чирскова.

Как обаятельна игра Тарасовой в ролях Маши в «Трех сестрах» и молодой актрисы Негиной в «Талантах и поклонниках».

Ливанов создал прекрасный образ большевика матроса Рыбакова в пьесе Погодина «Кремлевские куранты» и образ Ноздрева в «Мертвых душах».

Живой, веселый образ Сюзанны дала Андровская в комедии Бомарше «Женитьба Фигаро».

Силами артистов Художественного театра создан ряд прекрасных фильмов. Из этих фильмов мне особенно нравится «Без вины виноватые».

27 октября исполняется 50 лет со дня открытия театра. В связи с этим юбилеем хочется пожелать ему еще больших успехов в замечательной творческой работе. Хочется увидеть на его сцене новые пьесы наших советских драматургов с новыми молодыми исполнителями, которые будут поддерживать славные традиции советского театра и поведут Художественный театр к новым успехам и славе.

А. Гербер
(10 класс «Б» 613 женской средней школы Куйбышевского района).

ОТ ВСЕГО СЕРДЦА.

Ровно десять лет прошло с тех пор, как я впервые побывала в Московском Художественном театре. Однажды родители сказали мне, что я иду вместе с ними в МХАТ на спектакль «Синяя птица». Радости моей не было предела: ведь до этого я была только в Детском театре, а тут впервые иду в театр для «взрослых», да еще в Художественный, о котором всегда так много говорили у нас дома.

Помню, как я суетилась, волновалась и все торопила родителей,

боясь опоздать. Но в театр мы пришли вовремя, спокойно заняв свои места. Я трепетно и нетерпеливо ждала... Наконец, прозвенел третий звонок, медленно поднялся занавес, и я перенеслась в фантастический мир сказки.

Когда я пишу эти строки, кажется, что я сижу в зрительном зале МХАТ и вновь переживаю еще с большей силой все то, что пережила тогда семилетней девочкой. Мне казалось, что я вместе с Митиль и Тильтилем отправляюсь в трудное, но интересное путешествие за синей птицей. Вместе с ними я побывала в чудесных, неведомых мне странах, вместе с ними смеялась и плакала, вместе с ними всей душой привязалась к друзьям человека и возненавидела его врагов. После окончания спектакля я долго не могла придти в себя, очарованная всем виденным.

* * *

С тех пор прошло много лет. «Синяя птица» незабываемо ушла в прошлое, зародив во мне глубокую любовь к Художественному театру. На смену этому классическому детскому спектаклю пришли спектакли Чехова и Горького, Островского и Толстого, Корнейчука, Погодина и Симонова.

Каждый раз, когда опускается занавес с эмблемой чайки, я долго еще вижу продолжение спектакля, вернее, жизни доселе неизвестных мне людей. Горький говорил, что он изучал жизнь людей, заглядывая в окна квартир, в которых проходит часть жизни человека. Для меня таким своеобразным «окном» является Художественный театр. Шторы на «окне» поднимаются только на четыре часа. Четыре часа я живу жизнью героев пьесы, мыслю и чувствую, радуюсь и люблю вместе с ними. Одних я презираю, перед другими преклоняюсь.

Трудно забыть образы Серебрякова, Каренина, Нехлюдова, Дулебова и др. в мастерском исполнении талантливейших актеров МХАТ. Благодаря прекрасному раскрытию этих образов, я научилась понимать разницу между красивым словом и делом, между любовью и себялюбием, между истинным честолюбием и мелким тщеславием. Главное, чему научил меня Художественный театр,— это любви к человеку, имя которого «звучит гордо».

Я, конечно, не ошибусь, если назову Художественный театр активным борцом в деле воспитания нового советского человека. Каждый из нас знает, как велика роль жизнеутверждающего искусства МХАТ для солдата в бою, для рабочего у станка, для ученого в лаборатории, для нас, учащихся советской школы, за ученической партой.

Вот почему, когда передо мной, ученицей десятого класса, встал вопрос о том, кем быть, я решила быть режиссером, чтобы посвятить всю свою жизнь самому передовому в мире советскому искусству. Я знаю, что мне будет нелегко, но я приложу все силы, чтобы быть достойной воспитанницей своего Великого Учителя.

В. Назаренко
(10 класс 662 мужской средней школы Калининского района).

ЗА ЧТО Я ЛЮБЛЮ МХАТ.

Московский Художественный Академический театр СССР имени Горького. С гордостью и с некоторым волнением произношу я эти слова.

За что я люблю этот театр?

Вероятно, за то, что с ним связаны многие, дорогие для меня

воспоминания. Восьми лет я первый раз был в театре и смотрел «Синюю птицу». Впечатление потрясающее, не сравнимое ни с чем другим. Я видел сказку, полную чудесной поэзии; действующими лицами являлись люди, животные, предметы; но все было близко и доступно детскому пониманию. Восьмилетний московский мальчик, — я жил в волшебной сказке.

* * *

1942 год. Театр находился в Саратове, куда эвакуировался и я. МХАТ играл в маленьком здании детского театра.

Я видел там «Горячее сердце» Островского. Время было трудное и тяжелое, но театр создавал атмосферу спокойствия и уверенности, атмосферу великого дела.

* * *

Вспоминаю мое последнее посещение МХАТ. Шла пьеса «Три сестры» Чехова. Перед глазами до сих пор стоят созданные артистами образы, до сих пор сердце полно тем чувством, которое хочется назвать возвышенным.

Как же не благодарить МХАТ за те минуты счастья, которые он доставил!

———

Л. Еремин
(10 класс «А» 510 мужской средней школы Пролетарского района).

МХАТ — ЯРКАЯ ЗВЕЗДА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Сегодня я счастлив, потому, что сижу в партере Художественного театра и с нетерпением жду момента, когда вздрогнет на занавесе чеховская чайка, взмахнет своими крыльями и улетит вместе с моим воображением в далекий и страшный мир гоголевского времени.

Я люблю драматические театры, но МХАТ — это особенный театр! Здесь всегда чувствуешь себя в «машине времени», которая уносит зрителя или в далекое историческое прошлое или в заоблачные выси прекрасного лучезарного будущего...

На лицах зрителей заметно одно общее чувство, будто они, подобно ученому-путешественнику, после долгого и утомительного пути попали, наконец, в прекрасный храм, созданный гениальным зодчим, и скромный партер и строгие ложи кажутся им дивными архитектурными формами...

Все говорят полутоном, шопотом, опасаясь грубо прикасаться к наплывающему удивительному чувству «зрительного вдохновения».

Гаснет свет, и начинается спектакль «Мертвые души».

Говорят, что образы уродов-помещиков, созданные талантливыми артистами Художественного театра, заставляют зрителя волноваться. Разве может это неточное определение передать сложную совокупность чувств и настроений, которые охватывают человека, забывшего о том, что он сидит в зрительном зале; человека, который вместе с Гоголем снимает черную скорлупу с грязных сердец помещиков, «отцов» русского народа.

Манилов-Кедров, поразил меня не только как праздный и пустой мечтатель, — я увидел приторного, немилосердно заслащенного пошляка,

который вызвал во мне чувство отвращения, как будто неосторожно босой ногой вдруг наступил на холодное тело гадюки.

А Собакевич! Так и хотелось всегда сказать замечательному артисту Тарханову: «Да где же вы видели такого Собакевича, чтоб так талантливо и правдиво передать его образ советскому зрителю!».

Чтобы лучше раскрыть характер Собакевича, Гоголь в поэме знакомит нас с обстановкой, окружающей его героя: «В доме все было прочно и неуклюже в высочайшей степени. Каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил: «И я тоже Собакевич».

Мы видим это и на сцене. А каждое слово, каждое движение артиста Тарханова принадлежит уже не ему, а именно Собакевичу.

Неудержимый враль, хвастун, хохотун, герой ярмарочных кутежей — Ноздрев — так хорошо показан артистом Либановым, что каждое его появление на сцене рождает в зрительном зале неудержимый смех и беспрерывные аплодисменты. И смех и аплодисменты вполне оправдываются.

Гоголь, подчеркивая широкую типичность своего героя говорил: «Ноздревы долго еще не выведутся из мира». Мне кажется, что это указание автора режиссер спектакля Станиславский, составляя драматический сценарий, взял за основную ремарку, поясняющую образ Ноздрева.

И вот, наконец, оживает на сцене последняя «мертвая душа» — страшная, старая, гнойная язва, «прореха на человечестве» — Плюшкин.

Известно, что А. С. Пушкин, слушая первые главы поэмы «Мертвые души» из уст самого Гоголя, становился все сумрачнее, сумрачнее и, наконец, сделался совершенно мрачным. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: «Боже, как грустна наша Россия!»

Такое же ощущение охватывает зрителя к концу спектакля.

Страшная крепостная Россия стоит перед моими глазами; страна, где люди торговали людьми, где люди сами себя называли не именами, а кличками, где не было никаких гарантий для личности, чести и свободы.

И еще раз вдумываешься в замечательные строки гоголевской «тройки»:

«Русь куда же несешься ты? дай ответ. Не дает ответа... Чудным звоном заливается колокольчик, гремит и становится ветром разорванный в куски воздух, летит мимо все, что ни есть на земле, и косясь посторанивaются и дают ей дорогу другие народы и государства».

Да, во времена Гоголя великая Русь не могла дать ответа на вопрос, куда она несется!..

Об этом знаем только теперь мы, потомки писателя.

Великая партия большевиков под руководством ее гениального вождя тов. Сталина «оснастила современной техникой неудержимую тройку нашей истории», и она победоносно несется вперед, к великому счастью человечества, к коммунизму!

И косясь посторанивaются и дают ей дорогу капиталистические государства, а народы их с надеждой протягивают свои рабочие руки на восток, указывая на могучую Москву, где среди многочисленных жемчужин культуры, науки и искусства горит яркой звездой неувядаемой славы великий реалистический советский театр — МХАТ.

И. Арман
(10 класс «В» 188-й женской средней школы Коминтерновского района).

О ЛЮБИМОМ.

На спектаклях МХАТ не перестаешь восхищаться жизненностью, реальностью, которыми проникнута каждая пьеса; забываешь о том, что находишься в театре; что перед тобою сцена и актеры. Кажется, что ты неведомо для всех присутствуешь и наблюдаешь настоящую жизнь, что ты являешься свидетелем печали и радости, счастья и горя людей, которые становятся для тебя близки и дороги.

Поднимается занавес; не проходит и двух минут, как стираются границы между рампой и зрительным залом. Переносишься в иной мир, мир героя, живешь его жизнью, чувствуешь его чувствами. Правдивость в игре каждого актера не оставляет никаких сомнений, что перед тобой самовластный царь Иван, босяк Сатин, солдат Швандя или князь Нехлюдов.

Когда занавес уже опущен, и перед глазами снова раскинула крылья с детства знакомая всем чайка, все еще продолжаешь жить в том мире, куда заставили тебя перенестись любимые образы...

Прекрасно помогают спектакли в занятиях по литературе. Я еще больше полюбила Островского, Толстого, Чехова, Горького после того, как увидела воплощение их замечательных произведений на сцене МХАТ. Я видела их героев в жизни, и отчетливо стоит каждый из них — они мои близкие знакомые, друзья.

Вот Саша Негина, идущая тернистым путем провинциальной актрисы в дореволюционной России, три сестры, мечтающие о светлом, прекрасном будущем, Катюша Маслова, так много выстрадавшая в жизни, революционер Синцов, борющийся за освобождение народа; каждому из них хочется протянуть руку и сказать теплое слово.

Спектакли МХАТ никогда не изгладятся из моей памяти, а любовь к театру и его актерам будет все расти и расти, потому что именно они помогли мне полюбить искусство, полюбить все хорошее и светлое, что кроется в душе человека.

Е. Кузьмина
(10 класс «Б» 613 женской средней школы Куйбышевского района).

ГЛАВНЫЙ ВОПРОС

Свет в зале уже погас.

Мы сидели притихшие и сосредоточенные и внимательно смотрели на освещенный прожектором занавес. Но вот чайка дрогнула, затрепетала и перед нами открылась сцена.

Картина ушедшей жизни эпохи царствования Федора Иоанновича, как живая, встала перед нами. Ожили и заговорили герои прошлого, вспыхнули давно угасшие страсти, воскресли умершие стремления, разгорелась давно оконченная борьба.

Вместе с героями пьесы мы волновались за их будущее, страдали их страданиями.

Перед нами прошли и тяготящийся своей властью, несчастный царь Федор, добрый, старающийся всех примирить, но безвольный и неспо-

собный к действию; и Борис, покоряющий огромной силой воли, энергичной деятельностью, глубиной ума; и Ирина,— светлый, прекрасный, задушевный образ русской женщины.

Особенно понравился нам Болдуман в роли Годунова: все в нем от взгляда из-под нахмуренных бровей до гордой походки говорит об уме и воле государственного деятеля.

Для меня спектакль имел особое значение. Картины далекого прошлого моей родины, история ее борьбы превратили в твердое решение мое смутное желание — быть историком. Так Художественный театр помог мне определить призвание, разрешить главный вопрос моей жизни.

Г. Золотов
(9 класс «Б» 370-й мужской средней школы Сокольнического района).

ЗА ЧТО Я ЛЮБЛЮ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР

Приходишь в МХАТ — поражаешься скромным, строгим видом его, высокой культурой «встречи» зрителя, каким то особым теплом фойэ, зрительного зала.

Смотришь спектакль — и уходишь в мир героев постановки, живешь вместе с ними: одни нравятся, других ненавидишь.

Уходишь из театра — и уносишь с собой глубокое радостное впечатление от всего виденного и снова внутренне переживаешь то, что пережил в зале.

Г. Морозов
(9 класс «А» 370 мужской средней школы Сокольнического района).

В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ.

В этом году я смотрел «Мертвые души» по поэме Гоголя. Я возвращался домой с икотой от смеха, который на протяжении всего спектакля душил меня. Как талантливо показывают наши артисты всю пошлость, весь комизм жизни помещиков и чиновников царской России! Этот спектакль я смотрел с Шурой Панковым. До сих пор мы с ним частенько разыгрываем отдельные сцены и от души смеемся, вспоминая великолепную постановку МХАТ.

Я люблю этот театр за прекрасную игру его артистов, которые плодотворно работают для своей Родины.

Я люблю его, так как люблю все родное, русское, а Художественный театр есть подлинный русский театр.

Г. Севастьянова
(10 класс «А» 655-й женской средней школы Железнодорожного района).

АРТИСТЫ МХАТ НА ЭКРАНАХ КИНО.

Ни один театр не оказал такого огромного влияния на судьбу советского кинематографа, как Художественный театр. В кино снимались почти все известные артисты театра: Качалов, Тарханов, Москвин, Тарасова, Андровская, Добронравов, Ливанов, Хмелев, Ершов, Топорков и многие другие. Они внесли в кино правдивость изображения

человеческих характеров, естественность игры, научили артистов кино честному, принципиальному отношению к труду актера.

Вот что говорит Алла Константиновна Тарасова о своей работе в кинематографии: «Я люблю сниматься в кино. В кино артист может передать больше, чем на сцене. Выразительные средства артиста, главные передатчики его настроения — глаза и мимика лица — через кино нагляднее и лучше доходят до зрителя, чем в театральном зале. Поле действия актера в кино очень широко. Он может быть поставлен в такие условия, которые для театра недостижимы, а следовательно, в кино артист может себя полнее творчески выразить».

Правдивость изображения внутреннего мира человека достигается тем, что актеры сживаются с героями своих ролей. Тарасова заставляет зрителя переживать острую боль за судьбу Катерины. Достигла актриса этого тем, что, сжившись с героиней, поняла Катерину и сумела показать эту цельную своеобразную натуру, в которой нет ничего напускного, чужого, поверхностного, натуру стремящуюся найти выход из удушающей, давящей окружающей обстановки «темного царства».

Катерина-Тарасова — женщина, поведение которой характеризуется честностью, прямотой и искренностью. Затрудняешься сказать, какие эпизоды в роли Катерины особенно удачны. Тарасова заражает зрительный зал правдой внутреннего мира русской женщины, порабощенной миром купеческого самодурства, единственным выходом из которого является самоубийство. Представителем такого мира является Дикой. Эту роль мастерски исполнил Тарханов, который со всей правдивостью показал высокомерие, упрямство, произвол, тупость этого самодура-купца. Даже речью, походкой Тарханов старается охарактеризовать героя.

* * *

В кинокартине «Петр I» в роли Шереметьева снимался Тарханов. Приземистая фигура, ленивая походка, усталость в глазах, недобросовестное отношение к службе, обязанностям, старческая похотливость — вот образ Шереметьева-Тарханова, который уносит в памяти зритель.

Екатерину в этой картине исполняет Тарасова. Екатерина-Тарасова — обаятельная женщина жизнерадостного и непосредственного характера, заботливая, любящая жена, счастливая мать. Образ Екатерины не исчерпывают сцены любви и материнства. Она может быть женщиной властной, гордой и сильной. И чувствуешь это в холодном, полном ненависти взгляде, в тяжелых приспущенных веках, в прямой и энергичной линии бровей.

Много раз на экране кино-театра видим мы артиста Художественного театра Ливанова. Просто и выразительно исполняет он роль Бочарова в картине «Депутат Балтики». Образ Бочарова полон жизни. В нем нет ничего схематичного, надуманного. Исполняя Бочарова, Ливанов понимает, чувствует героя, поэтому и зритель преисполняется горячей любовью к старому преданному своему делу большевику.

Капитан крейсера «Варяг» в исполнении Ливанова («Крейсер «Варяг»),— верный сын своей родины, народа, волевой мужественный, полный силы и решимости моряк, верный и преданный товарищ, способный и знающий свое дело командир.

А. Дубров
(10 класс 518-й мужской
средней школы Кировского
района).

МХАТ ПО РАДИО

Внимание, говорит Москва! Начинаем передачу — театр у микрофона...».

В этот вечер передавали по радио спектакль «Воскресение» в постановке МХАТ. Как и всегда, текст от автора читал незабвенный В. И. Качалов, роль Нехлюдова исполнял Ершов, Катюши Масловой — Еланская. Их игра, несмотря на то, что я мог лишь слышать, но не видеть артистов, настолько захватила меня, что я не мог оторваться от наушников, и в моей голове потом еще долго носились образы, созданные артистами, и слышался проникновенный голос Качалова...

Я размышлял о том, что будет с главной героиней спектакля, и понял, благодаря яркой, темпераментной игре Еланской, что Катюша Маслова придет к своему «воскресению» светлым, но тернистым путем...

Я не видел артистов, игравших на сцене, их движений, мимики, костюмов, но по одним интонациям голоса, по тембру настолько ясно, отчетливо представил себе их, воссоздал в своем воображении, что знаю наверное: они были и на сцене такими, какими я их представлял. Казалось бы, как можно понять игру артистов, не видя их, как можно почувствовать силу их таланта на расстоянии, вне обстановки театра?!

Но великое искусство перевоплощения артиста преодолело и эти препятствия. Я задерживал дыхание, чтобы не проронить ни слова, сказанного Качаловым; его голос звучал так захватывающе, что казалось, будто бы все происходило где-то здесь, рядом. Обаяние голоса Качалова необычайно велико; это я почувствовал с первых же слов, произнесенных великим артистом.

Несколько раз я перечитывал роман Толстого «Воскресение» и хорошо его знаю. Но все же, когда я слушал спектакль «Воскресение» по радио в исполнении артистов МХАТ, только тогда как-то по-новому, с особой убедительной силой раскрылся мне смысл этого произведения. Передавалось действие: Маслова на суде. Кровь приливала к лицу: я ждал, чем это все кончится, хотя уже давно знал чем. Игра артистов внесла так много свежего, нового, была так правдива, убедительна, так захватывала, что я жадно слушал каждую их реплику, ожидая сцены окончания суда. И когда Еланская-Маслова говорила: «Я не виновна! Я не виновна!», так и хотелось крикнуть, кому-то доказать, что Маслова не виновна!

Когда Качалов читал текст от автора, я вслушивался в его голос и чувствовал, что это не простое чтение, а мастерское раскрытие великим артистом замысла автора, это поистине художественное чтение, я испытывал настоящее очарование. Качалов говорил о весне. И хотя на улице была сырая осень, мне казалось, что на самом деле я вижу приход весны, голубое небо, яркое солнце и зеленую пробивающуюся травку. Да, Качалов не умер, нет! Он живет в тех образах, какие создал на сцене МХАТ.

Каждый раз, когда я слушаю передачу спектаклей МХАТ по радио, я снова и снова переживаю наслаждение от мастерской игры. Театр вдвойне становится доступным, его обаяние глубже проникает в народные массы. Присоединяю свой слабый голос к благодарности миллионов.

Ю. Перетягина
(10 класс «Б» 188-й женской средней школы Коминтерновского района).

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Л. ТОЛСТОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ *.

«...Умер Толстой, и отошла в прошлое дореволюционная Россия, слабость и бессилие которой обрисованы в произведениях гениального художника. Но в его наследстве есть то, что не отошло в область прошлого, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат...».

(В. Ленин).

Однажды в Ясной Поляне у Льва Николаевича Толстого гостило много молодежи. Молодежь веселилась, шумела, но Лев Николаевич заметил, что особенного дела у нее нет и вот тогда он задумал написать какую-нибудь небольшую пьесу для домашнего спектакля, где бы основные роли исполняли гости и родные. Пьеса писалась быстро. Репетиции шли легко, интересно; каждый исполнитель старался блеснуть своим талантом. Автор же все время переделывал пьесу — вплоть до генеральной репетиции. Через некоторое время этот спектакль шел в Туле, на сцене благородного собрания. Потом пьесу Толстого «Плоды просвещения» поставил в Москве Станиславский, тогда еще только начинавший входить во вкус театральной жизни. В. И. Немирович-Данченко однажды присутствовал на спектакле у Станиславского. Пьеса его заинтересовала. Вскоре созрело решение поставить спектакль «Плоды просвещения» в Художественном театре. Состав тогдашней труппы театра как нельзя больше соотбетствовал ролям пьесы. Но чисто технические и «вздорно-бытовые» причины отняли у театра радость создать хороший спектакль.

Однако мысль о пополнении репертуара театра интересными произведениями не оставляла Художественный театр. Так, в 1902 году МХАТу удалось поставить другую пьесу Л. Н. Толстого «Власть тьмы», сюжет для которой Лев Николаевич получил от члена московской судебной палаты Давыдова. Немирович-Данченко и Станиславский ездили в Тульскую губернию, изучали быт местных крестьян, записывали песни, даже привезли оттуда пожилую крестьянку-«куму» в качестве консультанта при постановке. Во время репетиций тяжело заболела актриса, исполнявшая роль старухи Матрены. Режиссеры решили попросить «куму» репетировать за отсутствующую. Впечатление от игры этой «актрисы» было потрясающим: «кума» буквально учила режиссеров, как надо изображать деревню на сцене. Именно она дала почувствовать, что такое подлинная душевная тьма и ее власть. В сцене передачи отравленного порошка Анисье (арт. Бутова) для убийства ее мужа, «кума» со словами: «Глянь-ка сюда! Была я, ведашь, у старичка одного за порошками, — он дал мне на две руки снадобья... А это, говорит, такое

---

* Пользовалась следующей литературой: 1) Ленин В. И. XII том, 2) Ленин В. И. XIV том, 3) Луначарский «Воскресение», 4) Толстой Л. «Живой труп», «Власть тьмы», 5) Статьи Гончарова и Волкова в газетах за 1930 год и 1937 год, 6) Немирович-Данченко В. И. «Из прошлого», 7) Эфрос: «Московский Художественный театр». Смотрела в МХАТ'е спектакль «Воскресение». Беседовала с сотрудницей музея МХАТ и арт. Зуевой.

снадобье, если, говорит, давать пить — никакого духа нет, а сила большая. На семь разов, по щепоти на раз... И слобода, говорит, ей скоро откроется...»— засунула свою корявую руку за пазуху, ища там яд, долго копошилась, а потом совершенно спокойно, очень деловито, вероятно, не понимая злодейства, которое она совершает, продолжала объяснять, как надо убивать человека ядом. Как ни прекрасна была «кума», но поручить ей эту роль было нельзя. Она часто отбрасывала текст Толстого и пользовалась своим, составленным из отборных ругательств; она давала настолько реальный образ (пела ли, говорила ли, просто ли проходила по сцене), что все остальное бледнело, после нее никого нельзя было выпустить на сцену.

Станиславский, ставивший эту пьесу, очень увлекся внешней реальностью; он был во власти звуков, вещей, одежды, паузы. Реализм внешней обстановки «Власти тьмы» оказался недостаточно оправданным: линия быта и его подробностей была в спектакле представлена сильнее, чем линия чувств, мыслей; она задавила внутреннюю суть всей пьесы и всех ролей. Л. Н. Толстой был как-то на этом спектакле. Через неделю он с большим неудовольствием заявил Немировичу-Данченко, что в постановке не все хорошо: слишком утрированы реалистические звуки. Вл. И. Немирович-Данченко со свойственной ему любезностью заметил в ответ: «У вас, Лев Николаевич, в экземпляре значится: «Слышно ржание коней», «Слышно, как закрывается калитка» и т. д.

В целом, весь спектакль нельзя было отнести к удачным; он был средним, невыдающимся.

* * *

«...Коридор в здании Окружного суда. В коридоре судьи, зрители, подсудимые, свидетели. Федор Протасов стоит бледный, заплаканный, усталый.

Федя: Прости меня, что не мог... иначе распутать тебя.. прощай... А Маша... Маша опоздала (плачет)... Как хорошо... Как хорошо... (садится на диван и через несколько секунд умирает)».

Занавес медленно затягивает сцену. В зале стоит минутная тишина. Потом гром рукоплесканий потрясает небольшой уютный зал Московского Художественного театра. Так была принята зрителями премьера драмы Толстого «Живой труп».

Спектакль «Живой труп» был одним из самых замечательных в Художественном театре. Один из крупных рецензентов сказал, что «об этом спектакле надо писать золотым пером».

Роль Протасова исполнял И. М. Москвин. Один критик того времени сказал: «Никак нельзя обойтись, к примеру, без «Гамлета» в сценической характеристике Качалова, без «Живого трупа» — в характеристике Москвина». Правда, внешние данные Москвина не очень отвечали типу светского человека, но он прекрасно чувствовал другую сторону роли — душевное состояние. Федю Протасова артист исполнял только какими-то у души подслушанными интонациями и тонами. Сквозь Федины глаза просвечивало очень многое, в словах было недоговоренное, иногда — самое главное. Остро было передано Москвиным увлечение Протасова цыганщиной. Вместе с разгульным бродяжничеством, с темпераментными вихрями счастья и горя, с захватывающей цыганской песнью артист нес «изумительную деликатность толстовского отношения к людям». Во второй половине спектакля Протасов выглядел «святым дураком», особенно тогда, когда он стал уже «трупом», когда были изжиты душою его все бунты и обиды, когда пришла последняя примиренность. В громадной простоте и правде вел Москвин последнюю,

предсмертную роль Феди Протасова. Техника игры И. М. Москвина — техника простоты. Она была применена им и при исполнении роли Протасова. Другой проводницей толстовского понимания людей была артистка Германова в роли Лизы. По внешности она чрезвычайно подходила к образу толстовских женщин. В образе Абрезкова (арт. Станиславский) можно узнать московских бар, сохранивших аристократизм во взаимоотношениях, без чванства, простых, деликатных, но инертных, — людей благородной мысли, но не способных к жизненной борьбе. Великолепный образ создал артист более молодого поколения — Качалов (Каренин). Да и все вторые и третьи персонажи пьесы были прекрасно воплощены артистами. Очень нравилась зрителям Лилина (Каренина).

Это был один из тех спектаклей, который приводит к мысли, что самое высокое в искусстве исходит только из недр глубоко национальных.

* * *

Главным образом пьесы «Воскресение» является Маслова — представительница социальных низов, доведенная до падения и каторги аристократом Нехлюдовым, всей классовой системой, связанной с Нехлюдовым. Основными штрихами этого спектакля можно считать: смехотворность и безнравственность, нелепость и тупую беспощадность царского суда, тяжесть тюрьмы, ужас Сибири, одичалость голодной деревни, сытое равнодушие высших классов, беспочвенные метания Нехлюдова и если уж «воскресение», то «воскресение» Катюши Масловой, которую Сибирь столкнула с политической ссылкой 80-х годов. Катюшу Маслову очень хорошо играет артистка Еланская. Почти все в игре этой актрисы просто и жизненно, волнует и глубоко трогает. Правда, если в начале пьесы, когда Маслова находится на скамье подсудимых, хочется все время большей характеристики, резкости движений и интонаций, то в дальнейшем, когда Катюша возвращается к былой чистоте, игра Еланской приобретает большую искренность. (Мне очень понравилась сцена опьянения, когда борются две Катюши — прежняя и настоящая). В «Воскресении» театр сделал отступление от обычно-принятого течения спектакля и ввел чтеца от автора, который является лицом не только сообщающим что-либо публике, а лицом действующим в спектакле от имени автора, решающим основную задачу, ради которой написано произведение. От этого метода выиграл Толстой — гениальный художник, полностью дошедший до зрителя, но проиграл исполнитель центральной роли князя Нехлюдова, которого чтец превратил в пустое место, заставив его лишь подавать кое-какие реплики и иногда менять мимику. Действительно, кающийся дворянин не интересен, а интересен Толстой-художник во всем разнообразии его могучих образов.

«Чтец» — В. И. Качалов очень хорошо справился со своей задачей. Очаровательный тембр его голоса, его талант и опыт декламатора и рассказчика, его разнообразные актерские приемы были, конечно, неподражаемы. Артисту Ершову (Нехлюдов) пришлось вынести все трудности, вытекающие из противоречивости и блеклости персонажа.

В сцене суда, театр показал настоящий суд над «сословно-классовым судом». Председатель, члены, прокурор как будто ожили. Мне даже стало жутковато. Успеху этой сцены театр, конечно, обязан артисту Прудкину (прокурор). С большим мастерством дает артист сатирический рисунок прокурора. В жестких, обличительных тонах звучат и сцена суда над Масловой и сцена присяги.

Сцена «Поездка Нехлюдова в деревню и его разговор с крестьянами» переносит зрителя в деревню, к крестьянам, «видящим подвох в предложении Нехлюдова о земле, которого они не могли понять и которого поэтому особенно боялись». Великосветская сцена у тетушки исполнена также блестяще. Вековым недоверием к барину дышит сцена объяснения с Матреной (арт. Зуева). Ласкательные прозвища «благодетель», «касатик», «красавчик ненаглядный» — звучат, по-моему, у нее, как злейшие оскорбления.

В то время, как Толстой-моралист сухим подбором цитат из евангелия убеждает, что для Нехлюдова началась новая жизнь, Толстой-художник, рисуя Нехлюдова на обеде у начальника Восточной Сибири, дает великолепное изображение душевной дряблости своего героя, которая будет толкать его, конечно, не к новой жизни, а к старой.

Художественно-выдержанный и политически-значительный спектакль «Воскресение» раскрывает на примере Нехлюдова историческое бессилие русского дворянства и опровергает легенду о «кающемся дворянине».

В этой постановке Художественный театр показал себя на огромной высоте режиссерского и актерского искусства. Самый выбор романа, мне кажется, сделан очень удачно, так как в этом гениальном произведении Л. Н. Толстой наиболее близко стоял к людям революции.

* * *

Спектаклем «Анна Каренина» театр продолжил свою работу над воплощением замечательных созданий Льва Толстого.

Идейный и сюжетный стержень драмы «Анна Каренина» — это история живой, умной и прекрасной женщины, умеющей любить по-человечески сильно и правдиво, кончающей жизнь самоубийством только потому, что в лицемерной среде разлагающегося общества, обреченного историей на гибель, нет места человеческой любви, а есть место только семейному и общественному насилию над женщиной.

В борьбе Анны за свое достоинство человека и женщины, в страстном отрицании права ее мучителей на ее жизнь, честь, счастье — заключено высоко-человеческое содержание личной драмы Анны Карениной.

С сентября 1935 года началась работа с исполнителями над спектаклем «Анна Каренина». И вплоть до апреля 1937 года, когда была показана премьера, все артисты, режиссеры не выпускали из рук романа Толстого. Этот роман читал весь театр: его читали не только артисты, но и работники постановочной части, мастерских и весь обслуживающий персонал театра.

Для того, чтобы почувствовать себя естественно и просто в условиях жизни людей, близких ко «двору», надо было подробно ознакомиться со всеми материалами, которые могли бы приблизить исполнителей к жизни общества и среды, описанных Толстым в романе «Анна Каренина».

Как же подходили артисты к исполнению главных ролей пьесы?

Н. П. Хмелев работал над ролью Каренина следующим образом: из первых бесед с Хмелевым выяснилось, что он стремится подробно узнать все, что говорит Толстой о внешности Каренина, о его привычках, манерах, интонации его голоса; ему хотелось узнать, какая была походка у Каренина, как он здоровался, — и, узнав все это, увидеть человека. Когда Хмелев нашел и показал походку Каренина, некоторые

его характерные жесты, как он, кутая в плед, поглаживает свои больные ноги, как сидит у письменного стола, как поднимается навстречу вошедшему, — он оставил все поиски внешнего образа и начал работать над отысканием внутренних движений, природы действия, совершенно не обращаясь к внешней характеристике.

В первые месяцы работы с А. К. Тарасовой постановщик Сахновский даже и речи не вел о том, какая должна быть Анна внешне. У Тарасовой была одна задача — понять те мысли, которые лежат в основе произносимого или продумываемого во время молчания. Затем А. К. Тарасова долго работала над тем, чтобы все содержание текста перенести в свое «я». Она долго билась, чтобы «ьжиться» в роман, фантазировала; будила в себе творческое воображение, исходя из того, как бы, например, поступила она, если бы это случилось лично с ней, какой бы был ее непосредственный порыв, что поднялось бы в ее душе. Для этого необходимо было узнать очень многое. Был ли это какой-либо из дневников Толстого, или рисунок Врубеля, или картина Крамского «Дама у Аничкова моста» — все это с большой серьезностью, скромно и просто искала и находила Тарасова. Все эти наблюдения дали актрисе возможность создать наиболее правильное и простое сценическое изображение Анны Карениной. И предсмертные слова ее: «Нет, я не дам мучить себя...»,— обращенные к Вронскому, прозвучали у Тарасовой, как вызов. Анна бросила его в лицо всем мучителям: и семье, покоящейся на «ветхо-заветно-полицейской морали»; и «их глупому закону», по которому можно отнять сына у матери; и лицемерно-жестокому христианству Карениных. М. И. Прудкин, исполняющий роль Вронского, первоначально не задавался целью создать образ гвардейского офицера со всеми изученными им особенностями характера, свойственными Вронскому. Он искал в себе и проверял в сценическом действии то внутреннее состояние, которое наполняло Вронского. Прудкин всю вторую половину репетиций проводил в военной форме, приучаясь носить военную фуражку, владеть палашом, разговаривая, незаметно оправлять китель. Из всего этого сложилось актерское поведение Прудкина-Вронского.

Интрига спектакля — вопрос о разводе. Все заинтересованные в этом лица, т. е. Анна, Каренин, Вронский и, может быть, косвенным путем Стива и Долли, не говорят об этом прямо. Но они все прекрасно знают, почему огромное большинство светских людей, занимавших высокое положение в государственном управлении, как Каренин, не разводятся. Они лгут, обманывают друг друга, и тем не менее они сохраняют видимость нормальных, церковью и государством признанных отношений супружества.

Тарасова, Хмелев, Прудкин, Станицын (Стива), Плеева (Долли) и Петкер (прокурор) старались узнать все, что было связано с бракоразводным процессом для того, чтобы правильно видеть всю сложность запутанность, трагичность этого положения для обеих сторон. Чтобы разобраться во всем этом, в театр был приглашен юрист, который осветил вопрос тогдашнего суда, рассказал, как протекал этот процесс в духовной консистории и что означал развод для людей того круга, к которому принадлежали Каренин и Вронский.

Работа над массовыми сценами была очень тщательной. В сценах «У Бетси», «Скачки», «Театр» и «Дворец» — исполнители добились того, что они на сцене не испытывали никакой напряженности и связанности. Вот, например, как строилась сцена «В гостинной у Бетси».

Толстой писал: «Разговор начался мило, но именно поэтому, что он был слишком уж мил, он опять остановился. Надо было прибегнуть

к верному, никогда не изменяющему средству — злословию». Для того, чтобы направить разговор на этот «очень приятный путь, на путь «осуждения Карениных, жены и мужа», для того, чтобы «разговор весело затрещал, как разгоревшийся костер», нужно было дать несколько тем и распределить их по четырем группам, на которые разбиты исполнители «у Бетси». Каждая группа имела своего «ведущего», который следил за соответствующим движением других «ведущих», а это движение являлось сигналом для того, чтобы каждая группа или поднимала силу общего разговора, или сводила на едва слышный разговор. Так создался шум светской болтовни.

Основная идея оформления спектакля «Анна Каренина» (художник В. Дмитриев) такова: фон — типичный для светского Петербурга: холодная чопорность, своего рода лакированность, — в противоположность живой жизни и стремлениям Анны и Вронского.

В спектакле занимают значительное место шумовые фоны, помогающие вернее воспринять состояние ведущих действующих лиц. Так, в сцене «В библиотеке», за большим окном помещичьего дома, в имении Вронского, видны верхушки деревьев парка. Ветер качает ветки близко растущих под окном лип, шумит в пожелтевших листьях, срывает их, воет в трубе камина. От этих качающихся за окном ветвей и воющего в трубе ветра неуютно и холодно. Чувствуешь огромный пустой дом, в котором Анна одна ждет Вронского.

Толстой не упоминает, какую партию пела Патти в спектакле, на котором была Анна. Режиссеры выбрали секстет из оперы Доницетти «Лючия де Ламермур», который по настроению попал в тон действия всего спектакля.

Всякий раз, когда открывался занавес перед началом спектакля, (сейчас эта вещь в Художественном театре не идет, так как исполнитель роли Каренина — Н. П. Хмелев умер после тяжелой болезни), поставленного Вл. И. Немировичем-Данченко, и закрывался по окончании его, не только во всем коллективе, несущем на себе этот спектакль, но и в зрительном зале, воспринимающем его, царило сознание огромной значимости социально-философского смысла того, что раскрыто Толстым в человеческой жизни, глубокой ненависти к лицемерию, ханжеству и пошлости осужденного им строя и общества, погубившего Анну.

* * *

Светлая и уютная комната. Вдоль стен стоят шкафы, заполненные произведениями русских и иностранных классиков, сборниками критических статей о театральных постановках, альманахами, альбомами. На шкафах стоят бюсты Чехова, Горького, Ибсена, Толстого, Метерлинка, Станиславского и других. Это отделение музея Художественного театра.

За «хозяйку» в этом помещении я приняла, когда была там в первый раз (всего я была 5 раз), пожилую женщину с добрыми черными глазами и совсем седыми волосами. Она сидела на высокой лестнице у шкафа с произведениями (как удачно!) Льва Николаевича Толстого. Я разговорилась с ней. Татьяна Сергеевна хорошо знала Станиславского и Немировича-Данченко. Перед постановкой «Власти тьмы» она ездила с ними в Тульскую губернию; была на всех репетициях «Живого трупа», собирала материалы о жизни Л. Толстого. Ее воспоминания были такие живые и свежие, что я представила себе очень ясно и сумрачного Льва Николаевича, первый раз пришедшего в Художественный театр и чего-то сторонящегося все время; и бесконечные споры

его с Немировичем-Данченко, и «бегство» Толстого пешком из Тулы в Ясную Поляну после первого спектакля «Плоды просвещения». Татьяна Сергеевна рассказывала мне, что сотрудники музея, артисты, режиссеры очень бережно относятся к памяти Льва Николаевича, стараются донести до советского зрителя и читателя все обаяние Толстого, его простоту, глубокую реальность, необыкновенное мастерство в характеристиках.

Любимые спектакли

Л. Сольдау
(10 класс «Б» 388-й мужской средней школы Сокольнического района).

МХАТ

Его люблю я нежно страстно
Как воплощенье красоты...
В нем все стремительно-прекрасно:
Полет идей, полет мечты.
Борьба со злом, любовь к отчизне.
Мечта, зовущая вперед.
Горячий пафос новой жизни,
—Вот что в нем любит весь народ.

В. Нестерова
(10 класс «Б» 446 женской средней школы Сталинского района).

ОБРАЗ В. И. ЛЕНИНА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ

Я хочу написать о пьесе, которая произвела на меня незабываемое впечатление,— о пьесе Погодина «Кремлевские куранты».

Она дорога нам особенно потому, что в ней мы видим любимого Ильича. Роль В. И. Ленина играет артист Грибов. Я считаю исполнение роли Ильича шедевром сценической игры. Мы, никогда не видевшие Ленина в жизни, увидели его на сцене, почувствовали его живого, с задорным, громким смехом, с немного прищуренными, лукавыми, зоркими, но вместе с тем добрыми глазами, мы смогли слышать речь Ильича, громкую и немного торопливую, с какими-то неуловимыми, чисто ленинскими интонациями. Особенно поразил меня смех его. Он весь отдается ему, откидывается на спинку стула, смеется звонко и очень заразительно. А потом как-то сразу обрывает смех и начинает говорить немного картавя.

Нужно отметить и огромное портретное сходство.

Артист Грибов сумел показать выдающиеся черты личности В. И. Ленина, его большое знание людей, уменье подойти к человеку. Достаточно вспомнить разговор Ильича (Грибова) с инженером Забелиным, после которого старый инженер нашел свое место в жизни. Забелин не мог забыть ни единого слова, сказанного ему великим человеком.

Грибов показал, как умел Владимир Ильич учитывать недоверие старой русской интеллигенции и ее страх перед новой рабочей властью, и как разбивал эти чувства и направлял людей на правильный путь; сколько теплоты и сердечности проявлял к своим друзьям и соратни-

кам, т.т. Сталину и Дзержинскому; какую огромную любовь питал к детям, как ласково и просто разговаривал с ними.

Я много слышала о Владимире Ильиче, много читала о нем, и он представлялся в моем воображении таким, каким я увидела его на сцене Художественного театра. Только после этого спектакля Ильич как-бы приблизился, стал еще дороже и роднее.

Нет слов благодарности коллективу артистов МХАТ и в частности народному артисту Грибову, за создание образа великого человека, близкого и родного сердцу всех советских людей.

Г. Фредерикс
(8 класс «А» 446-й женской средней школы Сталинского района).

«ПОБЕДИТЕЛИ».

Из недавно просмотренных мною пьес мне очень понравилась пьеса «Победители».

Особенно запомнилась игра артистов Боголюбова и Тарасовой.

Боголюбов играл генерала Муравьева. Еще так живо впечатление от войны, так понятен Муравьев, горячо любящий свою Родину, отдающий все свои силы для борьбы с гитлеровцами. Муравьев забывал про сон, про пищу, он думал только, как выиграть сражение, выполнить приказ великого Сталина.

На всю жизнь я запомню незабываемую сцену у Муравьева, когда прекрасная игра артистов заставила всех зрителей переживать минуты ожидания предполагаемого немецкого наступления. Исчез театр... Мы точно в самой жизни, вместе с артистами ждали, затаив дыхание, чего-то решающего.

В зале было настолько тихо, что слышалось тикание часов.

А разве можно забыть жену командующего Муравьева — скромную советскую патриотку, в исполнении народной артистки СССР Аллы Тарасовой?

Поистине велики силы театра, поистине благородно звание артиста.

В. Докукина и Т. Челышева
(9 класс «А» 556-й женской средней школы Москворецкого района).

НАШ ЛЮБИМЫЙ СПЕКТАКЛЬ

Наш любимый спектакль — «Дни и ночи» Симонова. В нем нас особенно привлекает мужественный образ капитана Сабурова и медсестры Ани Клименко, героической, преданной своей горячо любимой Родине девушки. Мы ярко представляли отважных, смелых бойцов, которые стойко защищали город Сталина. Они отстаивали каждую пядь земли, каждый квартал, каждый дом. Они старались быстрее освободить свою Родину и вернуться к мирному, созидательному труду. Капитан Сабуров думал о том, как после разгрома немецко-фашистских оккупантов он вновь вернется в Москву и займется педагогической деятельностью, а медсестра Аня мечтала еще до войны поехать в Москву и поступить

в институт. Оба понимали, что для осуществления этой мечты им придется отдать все свои силы на предстоящую борьбу. Дни и ночи под свистом снарядов и градом пуль они защищали город.

Капитан Сабуров не спал по несколько суток, выполнял все приказы командования. Артист Макаров, игравший капитана Сабурова, ярко показал эту сильную, героическую личность. Большое впечатление на нас произвела игра артистки Гошевой, которая просто и искренне сыграла роль Ани Клименко.

С. Гусева
(8 класс «Б» 188 женской средней школы Коминтерновского района).

ТЕАТР, КОТОРЫЙ УЧИТ

В Художественном театре я была всего три раза; впечатления трудно описать. Но вот о том, какое значение имел для меня просмотр пьесы М. Горького «На дне», мне хотелось бы рассказать.

Когда мне было 12 лет (а это было всего пять лет назад) я в первый раз прочитала «На дне». Пьеса произвела огромное впечатление, но больше всего мне понравился тогда... странник Лука. Его теория жалости к людям меня так очаровала, что я попробовала относиться к людям так же, как он. Однако, эти попытки принесли мне много огорчений и привели к мысли, что я слишком злая и несдержанная девочка.

Года два тому назад я пошла в Художественный театр, на пьесу Горького «На дне». Очень жаль, что я не помню, кто из артистов был тогда занят в спектакле; хорошо запомнилось имя Москвина.

Навсегда осталось в памяти то, что я увидела, и до конца поняла я, почему теория Луки потерпела крах, почему она не приложима в жизни. Слушая монолог Сатина со сцены Художественного театра, я поняла, что сила не в идее смирения, а в страстном призыве: «Надо уважать человека. Не жалеть, не унижать его жалостью, уважать надо».

Несравненно искусство артистов МХАТ разъяснять правду, доносить ее до зрителя так, чтобы она на всю жизнь осталась в уме и в сердце.

Думаешь о Художественном театре и невольно вспоминается прекрасный лозунг «Человек — это звучит гордо».

Л. Пищёва
(9-й «Б» класс 188-й женской средней школы Коминтерновского района).

МЕРТВОЕ ЖИВЕТ...

Мерно постукивают колеса...

С одной стороны мимо окон несутся скалы с обнаженным гранитом, с другой — расстилается голубая прозрачная ширь Байкала. Дух захватывает от этого необъятного простора!

Я лежу на второй полке и с жадностью вдыхаю свежий, необыкновенно чистый воздух, который так и струится в открытое окно вагона.

Первый раз я проезжаю Байкал днем и зачарована величественной гладью, уходящей далеко-далеко, к чуть видным синеватым горам. Мне нет никакого дела до того, что происходит в купе, о чем говорят мои спутники...

Но вот пожилой сибиряк (он первый раз едет в Москву) неожиданно обращается ко мне с вопросом: «Лена, а вы были в МХАТе?» Что я могла ему ответить? — я, прожившая в Москве больше десяти лет и ни разу не побывавшая в этом театре?

Мне было очень и очень стыдно говорить — нет, когда он ожидал — да. Услыхав отрицательный ответ, сибиряк задумался, а потом сказал: «Жаль, очень жаль: я бы хотел поподробнее познакомиться с театром до посещения. Что ж, придется подождать».

В купэ воцарилось молчание...

Первым заговорил студент Томского университета. Он начал рассказывать все, что только знал о МХАТе, а знал он чрезвычайно много (откуда он все это почерпнул, я до сих пор не могу уяснить себе).

Речь его полилась сначала спокойно, потом все возбужденнее и возбужденнее. С необыкновенным жаром рассказывал он об игре Тарасовой.

Когда студент кончил, учительница, около 20-ти лет преподававшая литературу в старших классах, стала рассказывать о том, что она видела за свою долгую жизнь. Она говорила о Москвине, о Качалове, Еланской и о многих других выдающихся деятелях искусства.

Много я узнала нового и узнала не от москвичей, а от сибиряков... Мне, признаться, было не по себе...

В этот же день я дала себе слово, во что бы то ни стало при первой возможности сходить в Художественный театр.

Прошло около месяца. Я начала заниматься в девятом классе. И вот пятнадцатого сентября настал долгожданный момент: я держала в руках билет в МХАТ на «Мертвые души».

С каким нетерпением я ждала вечера!

В театр я входила с каким то особенным неведомым ранее чувством.

Не помню, как прошли последние минуты. Открылся занавес и я вместе со всем залом превратилась в слух и зрение.

Больше всего мне понравились Ноздрев и Собакевич (Ливанов и Грибов).

На сцене был тот самый Ноздрев, который, как живой, рисовался моему воображению. Его фразерство, бесшабашная веселость, необыкновенный азарт на всякие сделки — все это поразило меня верностью изображения. Сколько нужно умения, таланта, чтобы так верно каждым словом, каждым движением оттенить основные черты этого персонажа!

От Собакевича (Грибова) я просто в восторге! Да разве можно было подумать, глядя на него, что это артист МХАТ, а не помещик-кулак, торгующий мертвыми душами! А его медвежьи движения, краткое «прошу», наступания на ноги, привычка смотреть своими умными маленькими глазами в угол — нет! это замечательно, бесподобно! Я даже забыла, что я в театре и вижу на сцене игру артистов.

С этого дня я полюбила МХАТ (не даром говорят, что можно полюбить с одного взгляда); я поняла, почему о нем так много знают и москвичи, и сибиряки, и все, кто живет в разных концах нашей великой страны.

В. Хазанов
(9 класс «Б» 518-й мужской средней школы Кировского района).

ВО ВЛАСТИ ТАЛАНТОВ

Взвивается серозеленый занавес с белой летящей чайкой. В полутемном зале мгновенно стихает шум. На сцене МХАТ начинается пьеса Чехова «Три сестры»...

Из всех виденных мною мхатовских спектаклей эта вещь произвела на меня наисильнейшее впечатление. Поразила необычайная правдивость всего содержания пьесы, зачаровала бесподобная игра артистов Художественного театра.

Была ли это «игра»? Нет, артисты не играли, они жили на сцене. Они ходили, разговаривали, смеялись и страдали, и это было так естественно, обычно, так просто и знакомо, без единого намека на «театральность»... Терялось представление о том, что все это происходит на сцене, и никогда предательская мысль, что вряд ли все это было в действительности, не тревожила ум.

На сцене МХАТ капитан Соленый (Ливанов) перерос рамки стандартного мерзавца и предстает перед зрителями как глубоко несчастный человек, терзающийся своей замкнутостью и угрюмостью.

Едва ли где-нибудь еще могли с такой убедительной силой показать, как Андрей Прозоров (Станицын) со своими честолюбивыми мечтами все глубже погружается в болото обывательской жизни.

Едва ли где-нибудь еще могут создать такие выпуклые и яркие характеристики трех сестер (Еланская, Гошева, Тарасова), полковника Вершинина (Болдуман), барона Тузенбаха (Масальский), военного доктора (Грибов).

Не поддается описанию выразительность игры мхатовских актеров в этой пьесе. Весь зал находится во власти их талантов.

Затаив дыханье, следят все за этой замечательной игрой, словно чувствуя себя соучастниками развертывающихся событий. Порывы негодования в душе сменяются радостью, радость — печалью. Нелегко так увлечь зрителей, так «прожить» на сцене свою роль, так передать без фальши и прикрас радости и печали обыденной человеческой жизни!...

В пьесе мало юмора, но немногие кристаллы чеховских острот сверкают в устах мхатовских артистов с особой выразительностью и силой...

В пьесе много задушевности, лиризма, много в ней и грусти. Незабываем финал «Трех сестер».

Когда Ирина (младшая сестра) узнает о смерти своего жениха барона Тузенбаха, она не падает в обморок, не разражается рыданиями. «Я знала, я знала это»,— только произносит она, и от этого «Я знала», звучащего в притихшем зале, поднимаются волосы на голове, и слезы невольно подступают к горлу. Не здесь ли истинный ужас совершившегося несчастья, перед которым жалки и смешны «привиденья» и «кошмары» других пьес...

Пьеса «Три сестры» — свидетельство обреченности интеллигенции чеховского периода, свидетельство ее безысходной тоски; вместе с тем пьеса глубоко оптимистична. Вера в светлое будущее, вера в облагораживающую силу труда сквозит в каждой фразе пьесы.

Уже опустился занавес, закрылись двери театра, а в углах все

еще звучат великолепные чеховские пророчества, еще стоят перед глазами герои пьесы, и в душе крепнет гордое сознание человеческого могущества, крепнет вера в прекрасное будущее нашей страны.

А. Петрухина
(10 класс «Б» 188-й женской средней школы Коминтерновского района).

«ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ» НА СЦЕНЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

«В знак восторга, в знак признательности таланту за счастье, которое он доставляет».
(Нароков «Таланты и поклонники»).

Со дня основания Художественного театра самым горячим почитателем его была молодежь. И через пятьдесят лет наблюдается то же самое.

Чем же привлекает этот театр?

Мне кажется, что Художественный театр можно сравнить с человеком, который при скромной внешности обладает богатейшими сокровищами внутреннего содержания. Сокровище театра — талантливейшая труппа, в которой трудно выбрать лучшего актера.

Когда я спрашиваю себя, кто же мне больше нравится из актеров Художественного театра, то я затрудняюсь ответить на этот вопрос. Действительно, это сложная задача. Трудно из букета прекраснейших цветов выбрать лучший.

Многие спектакли, осуществленные театром, оставляют глубокий след, но самое неизгладимое впечатление произвела на меня пьеса Островского «Таланты и поклонники». Эту вещь я люблю потому, что в ней затронута поэзия человеческой жизни: искусство и любовь.

На протяжении всех четырех действий я забывала о себе, вернее я не чувствовала своего существования (как это часто бывает во сне). У меня не было ни одной посторонней мысли в голове. Все было сосредоточено на сцене. Антрактов для меня не существовало: я все еще слышала голоса и видела перед собой героев пьесы.

Чем же так трогает и волнует этот спектакль? Художественным оформлением и талантливой игрой актеров.

Медленно открывается сцена. Сразу же забываешь об окружающей обстановке и обо всем на свете и переносишься в другой мир. Примитивно-скромная мебель; простая ситцевая занавеска и тканая дорожка у кровати Негиной, сшитая, кажется, из двух разных кусков; темные пятна (от сырости) на стенах — вот та обстановка, в которой живет провинциальная актриса. На сцене мать Негиной, Дарья Пантелеевна. Зуева с изумительной простотой показывает нам образ мещанки и любящей матери. Она неподражаема. Многие ее реплики встречаются зрителями смехом и бурными аплодисментами.

Негина-Тарасова — центральный образ спектакля. Как остро чувствуются все ее переживания. Когда Негина-Тарасова (ей отказали в контракте) говорит со слезами в голосе: «Куда же мне теперь, я и не знаю», комок подкатывается к горлу и слезы застилают глаза. Сколько внутреннего переживания заключается в этой простой фразе! А сцена про-

щания с любимым человеком, которую невозможно видеть без слез! Тарасова через всю пьесу проводит образ своей героини, мечущейся между личным счастьем и великой любовью к искусству. Галлерея «поклонников, тонких ценителей искусства» художественно раскрыта ведущими актерами театра. Все они живы и своеобразны. Другой тип «поклонника» — Нароков, воплощенный актером Орловым, показывает настоящую любовь к театру, к таланту.

Часто в театре ловишь себя на мысли, что тот или другой актер хорошо играет. Играет! Этого не чувствуется в спектакле «Таланты и поклонники». Полное слияние актеров с героями заставляет зрителя забывать, что это только сцена, а не действительная жизнь. Я не могла понять, где кончается актриса Тарасова и начинается актриса Негина.

И после спектакля воспоминания о нем захватывают полностью. И все вновь и вновь перед глазами встает с отчетливой ясностью виденное в театре.

Мы все любим Художественный театр, любим искусство, которое способно вызвать в человеке радостное неиспытанное чувство чего-то нового и прекрасного. Взволновать зрителя до глубины души, заставить его искренне плакать или смеяться могут только настоящие мастера сцены.

О. Левин и В. Дюнин
(10 класс 510-й мужской средней школы Пролетарского района).

ТРИ СЕСТРЫ

Художественный театр!...

Сколько сильных, гордых, смелых людей видели его стены, сколько жизненных драм прошло у них перед глазами, скольким чистым, смелым порывам были они свидетелями!..

Может быть, я похож на чеховского Гаева, произносившего речь перед шкафом-юбиляром? Нет! Эти стены — хранители лучших традиций русской культуры. Здесь покоряли, очаровывали Станиславский, Москвин, Качалов, Книппер. Сколько чистых сердец загоралось и любовью, и гневом, и ненавистью к насилию! Эти стены — музей, памятник, слава русской культуры...

Я прошел в зрительный зал. Чайка!...

* * *

Мутнеют люстры, полумраком кутаясь,
Последний робкий шелест голосов,
И верхний ярус, с нижними аукаясь,
Сидит в преддверьи театральных снов...
А чайка белая, волнуясь, плещется,
И вдруг рванувшись, бархатом шуршит...
Мне мир иной таинственно мерещится,
Мне мир иной о многом говорит:
О бесприданницах, навеки замурованных,
И горечи схороненных надежд,
О благородных помыслах закованных,
О лесе подлецов, шутов, невежд...

* * *

Шли «Три сестры». Против обыкновения, шум в зале сразу улегся, и голос Ольги зазвучал чисто и отчетливо. Постепенно я забывался,

слышал только, как со сцены звучало: «Помню, когда несли отца, то играла музыка...».

Три сестры — Ольга, Ирина и Маша — наполнили весь окружающий мир. Я чувствовал, я видел их слезы, поднимались какие-то печальные картины прошлого; их неподдельный смех заставлял меня улыбаться. На сцене появились новые герои. Их образы укладывались в голове быстро, я отчетливо понимал, что это за люди, чего они хотят, и мне хотелось, чтобы то, о чем они мечтают, осуществилось, чтоб я увидел, как сестры попадут в Москву, чтоб прежняя жизнь Вершинина совершалась начерно и чтоб он начал другую, настоящую жизнь. Кажется, какая-то неведомая сила бросила меня в прошлое столетие, лицом к лицу с его взглядами и людьми.

...Занавес и свет. Но перед глазами плывут картины только что виденного. Мелькают персонажи... Каждый по-своему мне симпатичен, даже Соленый со своими дикими наклонностями и нелепыми утверждениями — наперекор всему — нравился. Сразу почувствовал, что это сильные, красивые личности. Как они мечтают, спорят, думают! Настроение у всех бодрое, будто сестры только сегодня поняли, что нужно делать, чтобы жить. «Нужно работать! Нужно работать!» — звенело в ушах. Да, нужно, действительно работать, чтобы жить по-настоящему, но зачем для этого ехать в Москву, когда в этом маленьком городке, можно по-настоящему, на славу потрудиться! В ушах звенел мелодичный вальс, тихо наигрываемый Тузенбахом.

Все эти люди, различны по вкусам, наклонностям, по возрасту, но их соединяют стремления порвать со старой жизнью, взяться за новую и трудом искупить свою вину. Мне кажется, что когда Вершинин высказывает свои мысли, он застенчиво улыбается.

Вновь темно, вновь ожила сцена. С напряженным вниманием я всматриваюсь в уже знакомые лица. Сумеют ли они взяться за работу? Все, что переживают герои, кажется уже пережил в меньшем масштабе я сам. Теперь я не могу уже всех уважать...

Наташа вышла замуж за Андрея Прозорова, брата трех сестер. Вершинин полюбил уже замужнюю Машу. Голос его стал мягче, мечты еще радужнее. Я стараюсь рассмотреть глаза Маши, хочется, чтобы она улыбалась больше, чем плакала. Барон Тузенбах, мечтающий о радостях вольного труда, увлекается Ириной. Какие это красивые, очаровательные люди! На этом фоне еще отчетливее заметно мещанство Наташи, грубость Соленого и безволие Андрея. Сколько сестрам приходится страдать!... «Я страдаю, если вижу, что человек не слишком тонок, обходителен и любезен». Как они, мучаются, живя среди беспрерывной фальши и пошлости. Они стараются работать, но «труд без поэзии, без мыслей» лишен содержания. Они беспомощны, а потому жалки. Я давно уже не вижу на сцене актеров, передо мной — Ольга, Соленый, Андрей, Маша...

Вновь перед глазами летящая чайка. В перерыве со мной заговорил сосед — военный: «Это было в 42-ом, под Москвой. Мы только что вернулись с разведки, усталые, злые... Вдруг слышим: «Артисты приехали!!!» Побежали, конечно. Сцена — «Студебеккер». «Чайку» показывают... Там место одно есть: бархатный летний вечер, озеро вдали и Нина Заречная над убитой чайкой... Артистка монолог говорит, а у самой пар изо рта! Холодище, градусов 30! Но понравилось очень. Долго не отпускали... Да! Сегодня вот приехал в Москву, в командировку и сразу, поверите ль,— в МХАТ»...

Третье действие. Сестры стали ближе, роднее друг другу. Это действие оставило наибольшее впечатление. Все время тревожно гудит на-

бат. В городе пожар. Ольга отдает погорельцам все, что у нее есть: платья, кофточки... Старческий голос Анфисы переплетается с визгливым криком Наташи. Кругом сумятица, беспорядок, слезы, смех; признания в любви сменяют брань, проклятья... И все это освещено заревом пожара!...

Кончилось действие, я вдруг вспомнил, что я в театре. «Вот, действительно,— думал я — люди познаются в суровых испытаниях»... Мне казалось, что я видел не раз Вершинина, Андрея, разговаривал с ними. А Ольга?! Для всех у нее есть теплое слово, есть совет. Сестры страстно мечтают о Москве, мечтают о плодотворной работе. Время идет... И они со слезами на глазах признаются, что жизнь уходит... ушла!

Как мелок, как жалок Андрей! Он готовился стать профессором. В конце пьесы это звучит как насмешка. Опустившийся, пошлый, он мечтает быть членом земской управы. Это — унижение... но взять себя в руки он не может...

Последняя сцена грустна, но оптимистична. Марш. Уходят военные, а вместе с ними Вершинин, Соленый, доктор. Тузенбах навсегда остался в городе — он убит на дуэли. Сестры остаются одни, но они смело глядят в будущее...

Голоса звенели, звали, и в них слышалась вера в прекрасное будущее...

Л. Смолова
(10 класс «Б» 188-й женской средней школы Коминтерновского района).

ДОРОГОЙ УГОЛОК РОДНОГО ГОРОДА.

Ребята, заснеженные и радостные группами входили в подъезд Художественного театра. Шла «Синяя птица».

Сказка увлекла и все зажили жизнью маленьких героев в их необыкновенном сне. Вместе с ними отправились в далекое путешествие за синей птицей. Было очень горько, когда «нас» постигала неудача, и было так радостно, когда птица, наконец, была найдена. Я, помню, очень сердилась, когда кончалось действие, зажигался свет; начинались томительные минуты ожиданья; хотелось скорей, скорей вернуться в мир, сказочный и необыкновенный.

После спектакля самые маленькие зрители выходили взволнованные, возбужденные, полные впечатлений.

С этого дня Художественный театр стал для меня дорогим уголком родного города.

Прошло много лет, а он, всем известный, всеми любимый Художественный театр все тот же: скромный, подчеркнуто строгий, без праздничного блеска и замысловатых украшений. Все в нем просто и удивительно гармонично. Да и мог ли он быть другим? Нет, продолжая на сцене традиции Горького и Чехова, он принял на свои плечи тяжелый труд не развлекать людей, а показывать жизнь, сплошную картину человеческой жизни.

Жизненность! Вот формула Художественного театра, его девиз и лозунг. Вот почему часто забываешь, где ты: в театре или в усадьбе помещицы Гурмыжской, Раневской, на балу у губернатора города N.

Необыкновенная простота придает исполнению удивительную легкость. Игра настолько заполняет все существо актера, что трудно представить, что в эту минуту он может думать о другом, что это — лишь роль заученные слова.

Я много раз бывала в Художественном театре, но мне хочется сказать несколько слов о только что виденной пьесе Островского «Лес». Прекрасно все: игра, ее стиль, декорации, прекрасна глубокая правдивость.

Вот, кажется, велика ли роль Карпа Савельича? Но не в объеме дело. Попов сумел так ее сыграть, что видишь, чувствуешь умудренного жизнью человека, в котором так красива старость с ее живым умом и русским добродушием. Карп предан дому; это чувствуется в его мягкой, заботливой походке, в голосе, в любви к Гурмыжским.

Изумительна сцена «Ночь в саду». Так и кажется, что эта теплая июльская ночь смотрит и на вас, обнимает мягким светом луны. Столетние дубы, искрящееся вдали озеро, сколько поэзии и красоты! Даже смешная влюбленная Улита в своем рыжем костюме и замысловатой шляпке с немыслимыми цветами кажется лучше; как-то забываешь, что это старая хитрая ключница.

Прекрасно сочетание голосов: самоуверенный властный голос Гурмыжской и отрывистый мальчишеский голос гимназиста Буланова. А Несчастливцев и Счастливцев! Судьба их — горькая страница истории русского театра! Несчастливцев хоть на сцене являлся принцем, но Счастливцев был создан для того, чтобы его и на сцене выбрасывали в окно. И Топорков сумел мастерски передать этот «воинствующий», смешной до комизма образ Аркадия Счастливцева. Игра тонкая и талантливая.

Очень большое впечатление произвела на меня игра Шевченко в роли Гурмыжской. Гурмыжская должна быть именно такой, сочетая в себе резкие контрасты характера: с одной стороны, властная и надменная барыня, с другой — женщина слабоумная и легкомысленная. Шевченко блестяще подчеркивает это. И опять встречаешься с большой правдивостью игры. Когда Несчастливцев наводит на Гурмыжскую пистолет, другая актриса сделала бы страшное лицо, громко вскрикнула и упала в кресло; но здесь не так: быстрый вскрик, и уже гудит грубый голос: «что ты делаешь, ты меня можешь убить!» Именно так должна была поступить Гурмыжская.

Гимназист Буланов. Комиссаржевский очень хорошо подчеркнул и оттенил свойства хамелеона у некоторых людей: перекрашиваться, применяться к любым обстоятельствам. Он даже природу любит «как прикажете».

Да, лес, смешанный лес человеческих натур, и они все разные, у каждого свои страсти, свои мечты. Но этот лес, темный и неприветливый, насквозь пронизывают солнечные лучи, лучи прекрасной любви, благородного сердца, доброй души. Сильна любовь Аксюши и Пети, трогательна отеческая доброта артиста Несчастливцева.

Занавес опускается в последний раз, спектакль окончен.

Выходишь из театра и невольно думаешь «Как хороша и прекрасна жизнь! Сколько в ней доброго, красивого и талантливого!..»

О. Источникова
(10 класс «Б» 610-й женской средней школы Щербаковского района).

НА СЦЕНЕ Я УВИДЕЛА ИХ ЖИВЫМИ

Нам известна целая плеяда имен замечательных актеров Московского Художественного театра. Мы счастливы тем, что имеем возможность услышать со сцены театра голоса наших лучших артистов и уви-

деть их игру. Каждая пьеса, каждый спектакль надолго остаются в памяти.

Недавно я видела «Мертвые души». Мы подробно разбирали это произведение в прошлом году. Конечно, я представляла себе всех действующих лиц: и слащавого Манилова, и неуклюжего Собакевича, и задорного Ноздрева, Коробочку, пухлую, маленькую старушку, и многих других. Но на сцене я увидела их живыми.

Каждый помещик по-разному относится к предложению Чичикова продать мертвые души. На лице одних появляется недоумение, испуг. Орлов замечательно передал чувства Манилова. По-иному относится к продаже мертвых душ Собакевич. Еще не успел Чичиков объяснить, что ему нужно, как тот понял его и уже назначил цену. При этом его, напоминающее раскаленный медный пятак лицо было совсем спокойно, будто он говорил о самых обыкновенных вещах.

Резко бросается в глаза громоздкая мебель Собакевича: огромный стол на двух толстых подставках, большой шкаф, длинные, неуклюжие лавки.

Очень хорошо показана обстановка в доме Плюшкина. Посреди комнаты — груда хламу. Около нее стоит грязный шкаф. Везде разбросаны какие-то тряпки. Мебель вся поломана. И кажется, что даже воздух пропитан пылью. Роль Плюшкина исполнял артист Свободин. В каждом движении его сквозила непомерная скупость: быстро хватает деньги, которые дает ему Чичиков, и даже пробует их на зуб, дрожа, вынимает графинчик.

Полную противоположность представляет собой хозяйство Коробочки. У печки сушатся грибы, ягоды, травы. Все в большом порядке.

Мне очень понравился Готовцев в роли губернатора. Когда последний показан дома, он весел, напевает песни. Когда же ему доложили о приезде Чичикова, он совершенно преобразился и принял вид человека, занятого многочисленными серьезными делами. Еще большее впечатление произвела на меня игра Ливанова. На сцене был настоящий «исторический человек», с черными, как уголь, бакенбардами, бесшабашный, с веселым, беззаботным смехом, вечно задорный и полный энергии, всегда готовый обмануть кого-нибудь или посмеяться с кем-нибудь. А за ним везде и всюду ходил, будто для контраста, его худой, маленький, робкий зять Мижуев. Все движения Ноздрева-Ливанова полны юмора. Особенно хорош тот момент, когда Ноздрев пугает всех чиновников, утверждая, что Чичиков — Наполеон, и сам в то же время ужасается своим словам. Каждое появление его вызывало бурные овации.

На сцене театра я увидала былую жизнь губернского города с его чиновниками, раболепствующими перед губернатором, показывающими свою власть над людьми, стоящими ниже, и с его жеманными дамами, интересы которых не выходят за пределы городских сплетен.

Э. Мелкумян и Т. Лозовская
(10 класс «А» 556 женской средней школы Москворецкого района).

ОНИ ЖИВУТ НА СЦЕНЕ

Обо всех актерах мира говорят: «Они играют». Но это совсем не подходит к артистам МХАТ — они живут на сцене, так срастаясь с создаваемыми ими образами, что их нельзя отделить от них. После того, как увидишь Ольгу-Еланскую, Машу-Тарасову и Ирину-Степанову, ни-

когда не сможешь представить себе иных сестер Прозоровых. Они различны по возрасту, по внешности, но ото всех трех веет такой теплотой и искренностью, что стены их дома раздвигаются далеко, далеко и невольно приближаешься к ним, начинаешь жить их жизнью, тосковать и мечтать вместе с ними.

О каждом исполнителе можно написать целый том и трудно будет сказать все.

Спокойная, умная и такая усталая Ольга. Как она полна внутренней силой! Она много лет ждет своего счастья, ей душно в гимназии, но так трудно было быть счастливой в то тяжелое время. Сколько тоски в прекрасных глазах Еланской, но она находит в себе силы сдерживаться и быть внешне спокойной.

Красавица-Маша, рано вышедшая замуж и очень скоро понявшая, что ее муж — тупица. Как много значения в ее нервном посвистывании! Но вот появляется Вершинин, и Маша в предчувствии счастья вся преображается, она оживает на глазах. Столько красоты в ее тихом смехе, сияющих глазах, что ото всей души желаешь ей счастья и тем больней слышать ее рыдания и видеть ее прекрасную, но поникшую голову.

А Ирина! Как прекрасен ее чистый, светлый образ! И вся она легкая. Она похожа на ожившую мечту о счастье. Велико ее стремление к труду. Она верит, что только в нем ее спасение. Но и эти мечты надо уметь воплотить в дело. И жизнерадостная Ирина, глубоко задумавшись, сидит в кресле. Сколько отчаяния в этих бессильно лежащих на коленях руках, в поникшей милой головке.

Невозможно перечислить всех красот спектакля. Вершинина (Ершов) не балует жизнь, тяжела его судьба, но он верит в прекрасное будущее, верит, что люди будут счастливы. От этого ему становится легче. Соленый-Ливанов груб, но сквозь эту оболочку проглядывает нежная душа. Он и груб только потому, что застенчив, что боится высказать свою нежность.

Очень хорошо показывает Титова душу пошленькой мещанки Наталии. Нужно слышать ее истеричный злой крик: «Кто бросил здесь вилку?!»,— чтобы без труда понять всю сущность образа. В этом крике вся Наташа: злая, глупая. И это та самая Наташа, которая в первом действии застенчиво улыбается на замечания сестер о ее туалете.

Никогда не забудешь придавленного горем Андрея Прозорова (Станицын). У этого человека были надежды, силы, талант. Все отняла неудачная женитьба. И от будущего профессора первого действия ничего не остается к четвертому. Это опустившийся забывший науку человек. Он видит, что гибнет, но не может и не хочет ничего делать для своего спасения.

А многие, многие другие! Добрый, любящий доктор-Грибов. Внешне некрасивый, но с такой прекрасной душою Тузенбах-Свободин. Он добивается счастья, но смерть уже поджидала его.

Когда уходишь из театра, долго еще живешь под впечатлением спектакля и не можешь не быть благодарной артистам за их чудесное исполнение: сколько хороших чувств пробуждают они!

И. Ионес
(10 класс «В» 610-й женской средней школы Щербаковского района).

О ЛИРИЗМЕ «ВИШНЕВОГО САДА»

Когда в этом году мы изучали «Вишневый сад» и подробно говорили о пьесах Чехова, поставленных на сцене Художественного театра, я еще с большей силой почувствовала, какую огромную роль сыграл МХАТ в развитии русского сценического искусства.

Каким лиризмом насыщен «Вишневый сад» на сцене МХАТ!

Сцена бала. Грустные звуки вальса. Напряженно-ожидающее настроение действующих лиц. И беспомощный Гаев со свертками и анчоусами в руках. Вишневый сад продан! Резкий голос Лопахина «Музыка, играй отчетливо! Идет новый владелец вишневого сада!» Уже зажегся свет, а перед глазами все еще стоят белые ветви вишневого сада, Раневская, Гаев, Лопахин.

Это грустно-лирическое настроение в конце спектакля сменяется твердой верой в лучшее, чудесное будущее. И несмотря на то, что запакованы уже все вещи, в комнате, когда-то полной жизни, пусто, грустно прощаются со своим домом Гаев и Раневская, тихо умирает Фирс, до конца дней преданный господам, в ушах звучат бодрые, полные веры слова Пети и Ани: «Прощай, старая жизнь, здравствуй, новая жизнь!». «Вперед! Мы идем неудержимо к яркой звезде, которая горит там вдали! Вперед! Не отставай, друзья!»

С. Портнова
(10 класс «Б» 613 женской средней школы Куйбышевского района).

ЗДЕСЬ Я НАУЧИЛАСЬ ЛЮБИТЬ ПРЕКРАСНОЕ.

Как сейчас помню теплый сентябрьский вечер прошлого года. В этот вечер я, как на крыльях, летела к своему любимому Художественному театру. Шла пьеса Чехова «Дядя Ваня», одна из самых любимых пьес.

Наконец-то из-за угла показался Художественный театр, всегда такой родной и близкий. Сколько прекрасных часов было проведено мною тут, сколько просмотрено пьес! Здесь я научилась любить и ценить прекрасное и ненавидеть всякую пошлость, мещанство и ложь.

И вот я опять здесь. Опять белая эмблема чайки зовет и манит меня силой своего полета. Как всегда, до начала спектакля я обхожу фойе, смотрю на портреты любимых артистов. Кажется, что они приветствуют зрителей, радуются их любви к искусству. Создается теплая атмосфера домашнего уюта, когда чувствуешь себя не одиноко и кажется, будто и ты являешься частичкой большого, дружного коллектива, будто и ты чем-то содействуешь его плодотворной работе.

Вот прозвучал звонок, потом второй, третий. Все смолкло. Бесшумно открылся занавес. И в этой тишине было что-то необыкновенное, возвышенное, какое-то напряженное ожидание. С этого мгновения все, кроме сцены, перестало для меня существовать. Казалось, сама история приоткрыла одну из своих страниц и дала людям заглянуть в туманное, далекое прошлое. Сцена не казалась мне теперь сценой, и артисты перестали быть артистами. Они настолько слились с чеховскими образами, что нельзя уже было говорить отдельно о тех или других.

С каждым действием, с каждым словом героев я все больше и больше восхищалась пьесой, постановкой, театром.

Особенно запомнился мне яркий колоритный образ дяди Вани, созданный Добронравовым.

Добронравов играл с редкой простотой и глубиной, с подкупающей искренностью. Дядя Ваня привлекал к себе сердца всех зрителей страстностью своего протеста, глубиной своего чувства. Хотелось, чтобы этот большой, умный, талантливый человек нашел свое место в жизни, нашел свое счастье. И образ этот вызывал не слезы умиления, а желание борьбы за лучшую достойную жизнь.

Молодая артистка Хромова впервые дебютировала в роли Сони. Ей удалось воплотить на сцене прекрасный, поэтический образ русской девушки, созданный Чеховым.

Спектакль, поставленный умелой рукой требовательного художника, получился таким цельным, монолитным, точно высеченным из одного большого красивого куска.

Зрители долго не расходились, еще и еще вызывая любимых артистов. Пьесу горячо обсуждали десятки и сотни людей. Успех был полный.

Не пришлось бы Чехову переживать те томительные и горькие минуты, которые пережил Гоголь у театрального подъезда.

Поздно... на улице ни души, театр опустел, но мне не хочется уходить, не хочется с ним расстаться. Мое сердце полно благодарностью большим мастерам искусства, тем, кто учит людей быть прекрасными «и лицом, и душой, и одеждой».

Прошел год, но ярки и свежи мои воспоминания об этом спектакле. Как живые встают передо мной образы дяди Вани, Астрова, Сони и мне захотелось от чистого сердца поздравить юбиляров, пожелать им новой плодотворной творческой работы.

Мне захотелось пообещать им, что и мы, учащиеся, постараемся не отставать от них. Ведь для нас светит советское солнце, для нас открыты двери прекраснейшего в мире театра. Хочется быть лучше, хочется быть достойным такого счастья. И мы будем его достойны, обещаем тебе, юбиляр.

О. Тарасова
(10 класс «В» 610-й женской средней школы Щербаковского района).

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Медленно гаснет свет.

Настороженная тишина воцаряется в зале. Все взоры устремлены на сцену, где на темном фоне — чайка.

Еще минута, она взмахнет крыльями, и на сцене оживут, заговорят люди эпохи Пушкина, герои далекого прошлого. Вместе с ними будешь радоваться и огорчаться, ненавидеть и любить.

«Последние дни Пушкина...».

Мысленно переносишься в Петербург того времени. Встречаешься с Батюшковым, Кукольником, Жуковским, с теми людьми, которые окружали Пушкина.

Чувствуешь, как

«С каждым шагом вперед все грозней и грозней.
Рать суровых врагов надвигается» (Надсон).

Интриги придворных, травля поэта достигают наивысшего напряжения. Сгущается враждебная атмосфера вокруг любимого писателя.

И вот, как удар грома, прозвучал выстрел. Пушкин смертельно ранен на дуэли. Остро чувствуешь боль, потому, что на сцене все происходит так, как было в действительности.

Замечательно играют артисты (Иванова, Державин), и забываешь, что ты в театре.

Сам Пушкин ни разу не показан на сцене, но все время чувствуешь, что он где-то рядом, такой близкий и родной.

Чудесные декорации помогают воображению. Бушует пурга, заметая избушку, бросая в окно комья снега. И невольно вспоминаются длинные зимние вечера, которые Пушкин проводил в селе Михайловском вместе с няней.

В избушку входит обогреться сопровождающий тело поэта.

Вот, пока еще смутно, но все отчетливей и ясней вырисовывается силуэт великого поэта; он стоит, задумавшись, немного наклонив голову, такой, каким видим мы его ежедневно на площади Пушкина.

Там ему воздвигнут памятник, к которому «не зарастет народная тропа».

———

И. Черемушенцева
(10 класс «Б» 610-й женской средней школы Щербаковского района).

«ТРИ СЕСТРЫ» НА СЦЕНЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

В суровых зимних условиях советские люди, не щадя своих сил, прокладывают нефтепровод; писатель Василий Ажаев в своей книге «Далеко от Москвы» показал, как велики эти силы, целеустремленность, уверенность в победе. Чтение так захватывает, что живешь жизнью героев книги, вместе с ними переживаешь их успехи и временные неудачи...

Внезапный бой часов возвращает к действительности, и я вспоминаю: сегодня в театр.

Семь часов, пора идти... меня не покидает твердая вера в то, что мужественные строители дадут необходимую фронту нефть к сроку.

«Три сестры»...

Осень. С деревьев медленно падают пожелтевшие листья, устилая землю тонким ковром. И так грустно, грустно, и кажется, что из жизни уходит что-то невозвратное, очень большое, без чего жизнь станет скучнее, серее, неинтереснее. Но остановить «это» нельзя, «все надежды пропали».

И всегда охватывает это ощущение печали, когда видишь последнее действие пьесы «Три сестры» в Художественном театре.

Артисты так хорошо передают настроение чеховских героев, заставляя переноситься в совершенно иной мир, и кажется, что живешь не в нашу эпоху, не в Советской стране, а с тремя сестрами в небольшом провинциальном городке, в то, ставшее теперь далеким время, когда культурные и образованные люди не могли найти места в жизни.

Постепенно развертывается действие, по ходу пьесы каждый герой ее теряет что-то дорогое, нужное. Погряз в мещанском благополучии Андрей, мечтавший раньше о научной деятельности, о кафедре в Московском университете; убит на дуэли Тузенбах, стремившийся к большой работе, к построению счастливого будущего; исчез из жизни Маши

единственный светлый луч: Вершинин навсегда ушел с полком; не думает больше о Москве Ольга, ставшая начальницей гимназии.

Слышатся удаляющиеся звуки духового оркестра, которые как бы уносят с собой надежды трех сестер.

Но не все еще потеряно, «надо жить... надо работать, только работать», и артисты Художественного театра, несмотря на грусть осени и вообще всей обстановки, своей замечательной игрой передают чувство оптимизма, так присущее всем пьесам Чехова.

Эта последняя сцена производит совершенно особенное впечатление, возбуждает сочувствие к героям; так хочется дать хороший совет Маше — перестроить ее жизнь, или чем-нибудь помочь Ирине, которая все свои силы, всю свою жизнь собирается отдать «тем, кому она, быть может, нужна».

Падает занавес с эмблемой театра... и постепенно отходит вдаль эпоха, которой я жила в театре, а герои Ажаева становятся еще более близкими и понятными.

Художественный театр сделал свое дело: он сумел показать, что без трех сестер, без дяди Вани, без Трофимова и Ани, предчувствовавших счастье и искавших его, невозможно было бы построить нашу жизнь, которую каждый советский человек старается прожить «так чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы».

И. Михайлова
(9 класс «А» 188 средней женской школы Коминтерновского района).

«ЦАРЬ ФЕДОР ИОАННОВИЧ» НА СЦЕНЕ МХАТ *.

14 октября 1898 года взвился занавес в Московском Художественном театре. Впервые со сцены театра прозвучали слова трагедии А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович». «Все было смело и необычно в этом спектакле, — писали современники: выбор пьесы, тридцать лет пролежавшей под цензурным запретом, стремление к реалистическому воспроизведению исторического прошлого, декоративные новшества, наконец, невиданная спаянность ансамбля, которого не знала русская сцена».

В свое время «Царь Федор Иоаннович» был запрещен для представления на сцене. Один из членов цензурного совета писал, — что «зрелище скудоумия и беспомощной слабости самодержавного венценосца может производить неблагоприятное впечатление». А министр внутренних дел наложил резолюцию: «Нахожу трагедию графа Толстого в настоящем ее виде совершенно невозможной для сцены. Личность царя изображена так, что некоторые места пьесы неминуемо породят в публике самый неприличный хохот». Журнал «Сын Отечества» давал высокую оценку трагедии Толстого и ставил автора наравне с Пушкиным. Большинством критиков образ Федора был воспринят по преимуществу с подчеркнуто-каррикатурной стороны. «Автор больше всего бил на сердечную доброту этого слабохарактерного человека. Но эта доброта в нем не от сердца и не от чувства справедливости, а от бессилия и слабоумия». В этой характеристике сказывается односторонняя

---

* Материалы для сочинения: критические статьи 1898 года о премьере спектакля «Царь Федор Иоаннович» и критические статьи Дурылина, Маркова, Ростоцкого, Юзовского и др. на спектакли последующих годов.

оценка образа Федора. «У Толстого Федор не только слабохарактерный святоша,-- он просто идиот». Характеристика Федора, как жалкого, слабоумного идиота и приводила к тому, что центральный персонаж трагедии Толстого оценивался как каррикатурно-водевильная фигура, не могущая возбудить в зрителе трагического чувства.

Так совершенно неожиданно толстовский Федор был воспринят опереточным персонажем. В этом именно плане, трактовалась одним из критиков сцена между царем и выборными в финале второго действия, где «каррикатурность и неестественность слишком явны и допущены ради вульгарных эффектов». «Тут что-то школьническое, водевильное, как со стороны выборных, так и со стороны царя, который уходит держа пальцы в ушах: это сцена из оффенбаховской оперетты, а не из серьезного произведения».

Этот отзыв особенно показателен. Именно в конце 60-х и начале 70-х годов XIX века оперетта заполнила даже сцены императорских театров. Сближение образа Федора с фигурами оффенбаховских царей и героев, каррикатурно смешных и жалких, сниженных до уровня пародии, лишенных внешнего, официально-парадного, торжественного окружения, с каким было связано воспроизведение на сцене «царственных особ»,— все это свидетельствовало, что в Федоре Толстого усматривались элементы сатиры на современность.

В более поздние годы, на рубеже XX века, в статьях появились высказывания, рассматривавшие «Царя Федора» как своеобразный «урок царям».

Отмечая, что трагедия Толстого имела громадный успех, Кугель объясняет ее успех главным образом тем, что «цари прискучили своей вечной генеральской формой, царь-пономарь, царь-жалкий и дряблый, царь слабый, ничтожный человек»,— в этом была пикантность трагедии.

Летом 1898 года в Пушкине молодая труппа Художественного театра лихорадочно репетировала репертуар первого сезона, в состав которого входила трагедия «Царь Федор Иоаннович». Роль царя Федора была поручена двадцатичетырехлетнему актеру Москвину. Немирович-Данченко много говорил с Москвиным о сущности пьесы, о замысле автора, о поисках живого, жизненного самочувствия. «Только ничего не придумывайте, не ищите на стороне, а только в самом себе»,— говорил Немирович-Данченко. Он советовал Москвину сосредоточиться на тяжелых минутах, пережитых им в собственной жизни, воскресить в памяти минуты мучительных сомнений, купленных ценою страданий. Таких минут было немало в детстве и юности Москвина. Ему достаточно было вспомнить свое решение во что бы то ни стало итти на сцену и тяжелую борьбу за это решение. Пусть во всем этом не было никаких прямых соответствий переживаниям царя Федора Иоанновича; Немировичу-Данченко важно было тем или иным путем возбудить искренность Москвина в основном переживании роли — в преодолении самого себя, своей слабости. Надежды Немировича-Данченко оправдались. Ни одна из рецензий на премьеру «Царя Федора» не отмечает в исполнении Москвина ни потрясающей драматической силы, ни каких-нибудь особенных, выдающихся данных голоса, внешности, мимики. И тем не менее все рецензии признают, что «фигура Федора-Москвина наполняла всю трагедию и все время неудержимо притягивала к себе внимание».

Знаменательно, что о Москвине в роли Федора большинство критиков заговорило как о живом человеке, с трудом отделяя его личные качества от характера черт образа. В нем подчеркивали отсутствие

актерских навыков, натренированного темперамента, выработанных интонаций, жестов.

Царь Федор всеми силами души хочет мира, тишины и полного благоденствия царства, но он бессилен провести эти стремления в жизнь. Он сознает себя бессильным: «Какой я царь? — Меня во всех делах и с толку сбить и обмануть нетрудно».

В то же время он не слагает с себя власти, потому что и на этот шаг у него недостает силы воли. Он любит Годунова и вверяет ему свою власть, но в то же время не может решиться передать ее ему окончательно.

В трагедии происходит борьба двух партий: Шуйских и Годуновых. Годунов видит в своей гибели гибель всего, что сделано со смерти Грозного государством на пути его прогрессивного развития. Шуйские борются за возвращение к старым порядкам, и в то же время среди них есть люди чести и долга. Во главе их истинный рыцарь — князь Иван Петрович Шуйский. Годунов совершает преступление за преступлением и борется с врагами нечистым оружием, он не останавливается ни перед ложью, ни перед нарушением клятвы и крестного целования.

Сдвинулись грани далекой истории. Отошел куда-то далеко на задний план старый быт царской кремлевской палаты. Поблекли банальные представления о хилом, слабоумном царе. В слабых и хрипловатых звуках голоса Москвина, в необыкновенной искренности его интонаций, в его страдальческой застенчивости, в его скорбных глазах — перед зрителем вставала большая человеческая трагедия, трагедия слабой, капризной, растерянной, светлой, наивно-религиозной души, окруженной раздорами и злобой. Детская вера, трогательность, суетливые, судорожные попытки «все примирить», «все сгладить» — в атмосфере сложной политической борьбы. Эта была трагедия бессилия. И Москвин заставлял зрителей, в иные минуты готовых улыбнуться наивности Федора, ощущать эту трагедию, как настоящую боль. Это было бессилие, трагически сознающее самое себя, совесть, израненная жестоко и непоправимо.

В 1906 году одна из крупнейших венских газет писала в рецензии на спектакль «Царь Федор Иоаннович»: «Лучше забудьте имена пятидесяти знаменитостей, но запомните имя Москвина». Такой же успех сопровождал Москвина в этой роли в других городах Западной Европы, а после революции и в Америке, где зрители приняли «Царя Федора» особенно восторженно. Во многих отзывах иностранной прессы об этом спектакле мы находим признание, что игра Москвина позволяет забывать о чуждости языка, об отдаленности исторической эпохи и быта.

Успех этой роли объясняется тем, что замысел режиссера (Немировича-Данченко) совпал с исполнением Москвина, которое, в свою очередь, находилось в полном единстве с образом, данным автором. Москвин исполнил завет автора: «Для передачи Федора требуется не только тонкий ум, но и сердечное понимание. Если же исполнитель, сверх того, еще и полюбит его, сживется с ним и войдет к нему в душу, то в его роли может оказаться много оттенков, нетронутых в этом образе и много эффектов, мною не предвиденных».

«Федор» Москвина прожил 40 с лишним лет на сцене МХАТ. Эта жизнь — великолепный показатель жизненности тех основ реализма, которые в нем были заложены.

Как же на протяжении многих лет сумел сохранить Москвин све-

жесть исполнения? Вот как он отвечает на этот вопрос: «...Сохранность роли зависит прежде всего от того, как эта роль создана. Если роль с самого начала создается по-живому, тогда ее можно дольше сохранить. Она наполняется живыми человеческими чувствами, и эти чувства будут пронизывать роль и питать ее. И задача актера, играющего одну и ту же роль много лет, заключается в том, чтобы уметь сохранить в себе эти живые ощущения».

В сезоне 1923/24 года роль царя Федора стал исполнять В. И. Качалов. Качалов, выступая в роли Федора, подчеркивал в нем наследие Грозного и делал упор не на слабости и болезненности Федора, а на моментах вспышек, в которых узнается сын Грозного. Это исполнение было интересно по ряду ярких моментов: привлекала свойственная Качалову блестящая передача стиха, мастерство исполнения, своеобразие трактовки, недооцененное в свое время критикой. Но этот образ не полностью удался Качалову: он оказался более значительным по своему замыслу, чем по практическому результату.

Н. П. Хмелев трактовал Федора по-своему. Федор глубоко несчастный человек. Но Хмелев акцентировал и другое. Этот кроткий человек несет с собою не мир, а злодейство. Он губит Шуйского, он — косвенный убийца Дмитрия (в угоду Годунову он оставляет Дмитрия в Угличе), он предает купечество на суд и расправу Годунову. Сцена в покоях царя, когда делегаты «московских гостей» просят заступничества, а царь, затыкая уши, бежит от них,— раскрывает подлинную сущность Федора. Кротость царская заменяется деспотизмом и произволом. Хмелев писал о своей игре: «В пьесе я обычно стараюсь найти ведущие тона, как в живописи, окрашивая по-своему каждый персонаж». Хмелев играл Федора как советский актер, поэтому так убедителен созданный им образ.

А. К. Толстой, комментируя свою пьесу писал: «Идея царского достоинства не должна пострадать». Игра Хмелева разрушила эти комментарии. Она не только подрывала царское достоинство, но и разрушила образ «благостного царя», каким его десятилетиями давала сцена.

Федор-Хмелев жуток, т. к. под маской внутреннего благородства (Федор считает себя великим знатоком человеческого сердца) Хмелев увидел лицемерие и ничтожество. У Хмелева Федор — не царь-заика и неврастеник, а человек, обреченный историей стать ширмой, за которой совершались насилия и жестокости. Трагедия Федора-Хмелева — не трагедия бессилия, а трагедия человека, совершающего историческую ошибку, трагедия непонимания развития страны, трагедия человека подменившего политическую оценку оценкой моральной. Федора-Хмелева жалеешь, но ему не прощаешь.

Хмелев сознательно ставил перед собой задачу переосмысления образа Федора. «Современный зритель,— говорил он,— воспитанный на опыте и воспоминании двух революций, с иных позиций понимает и оценивает исторические явления и события, чем тот зритель, который впервые увидел в Художественном театре «Царя Федора» 37 лет тому назад. Поэтому необходим новый подход к роли с позиций марксистского понимания исторического процесса».

Одна из драгоценных особенностей Художественного театра в том, что он никогда не признавал монополии актера на роль. Еще при здравствующем царе Федоре-Москвине Москва уже видела двух других «царей Федоров» — Качалова, Хмелева и в 1940 году увидела нового «царя Федора» — Б. Г. Добронравова.

Как богат творческими силами Художественный театр если на его сцене могут итти подряд спектакли «Царя Федора» с такими разными исполнителями, равно имеющими ответственное право на собственную трактовку образа!

Исполнитель роли царя Федора — Добронравов, может быть, самый внутренне горестный из всех Федоров. Всмотритесь внимательно в его глаза, такие прекрасные, большие глаза намучившегося человека: из них смотрит глубокая кручина. Этот царь — большой несчастливец. Его томит кручина, и кручинится он не потому, что плохо умеет управлять, что не далось ему царственное ремесло, а оттого, что сердце у него большое, жалостливое, неотступно хранящее свою правду, а жизнь кругом Федора кипит: в его тереме и в боярской думе, скупая, лживая, жестокая.

Царю Федору-Добронравову хочется, чтобы его собственная правда — детская чистота сердца — вызвала бы во всех, с кем ему приходится иметь дело,— от Бориса Годунова до последнего нищего,— горячую тягу к правде-справедливости. Но Федор-Добронравов знает, что этой правды никогда не будет ни в его тереме, ни в его царстве. «Уйди, уйди от мира! В нем правды нет!» — с великой скорбью говорит Федор княгине Мстиславской. Он весь жмется от лютого холода, от этого сурового, ледяного дыхания неправды, царствующей в мире. «Я от него и сам бы хотел уйти... мне страшно», — восклицает в тоске Федор, забывая, что он женат.

Если б меня спросили, где больше всего жизни в образе, созданном Добронравовым, я бы ответила: в глазах, в этих испуганных, горестно-расширенных глазах, которыми Федор взирает на мир, не понимая его.

Образ, созданный Добронравовым — замечательный образ, насквозь русский и дополна трагический.

Среди других образов трагедии «Царь Федор Иоаннович» основными являются: царица Ирина, князь Иван Петрович Шуйский, Борис Годунов.

В своем проекте постановки А. К. Толстой писал: «Хотя роль Ирины не ярко проходит через трагедию, но она освещает ее всю своим индивидуальным светом, ибо все нити событий сходятся в Федоре, а Федор неразрывно связан с Ириной».

Последняя исполнительница роли Ирины — Еланская. Исполнение Еланской близко к авторскому пониманию образа. Редкое сочетание ума, твердости и кроткой женственности — эти главные черты Ирины составили основу сценического образа Еланской. Особенно хорошо по волнующей простоте удалась Еланской финальная сцена — «Перед Архангельским собором». Когда Федор-Добронравов говорит: «А я хотел добра, Арина, я хотел всех согласить, все сгладить», а по лицу Ирины-Еланской катятся слезы, в зрительном зале слышатся всхлипывания.

Среди других исполнительниц этой роли выделялись: Книппер, Савицкая, Шевченко, Тихомирова.

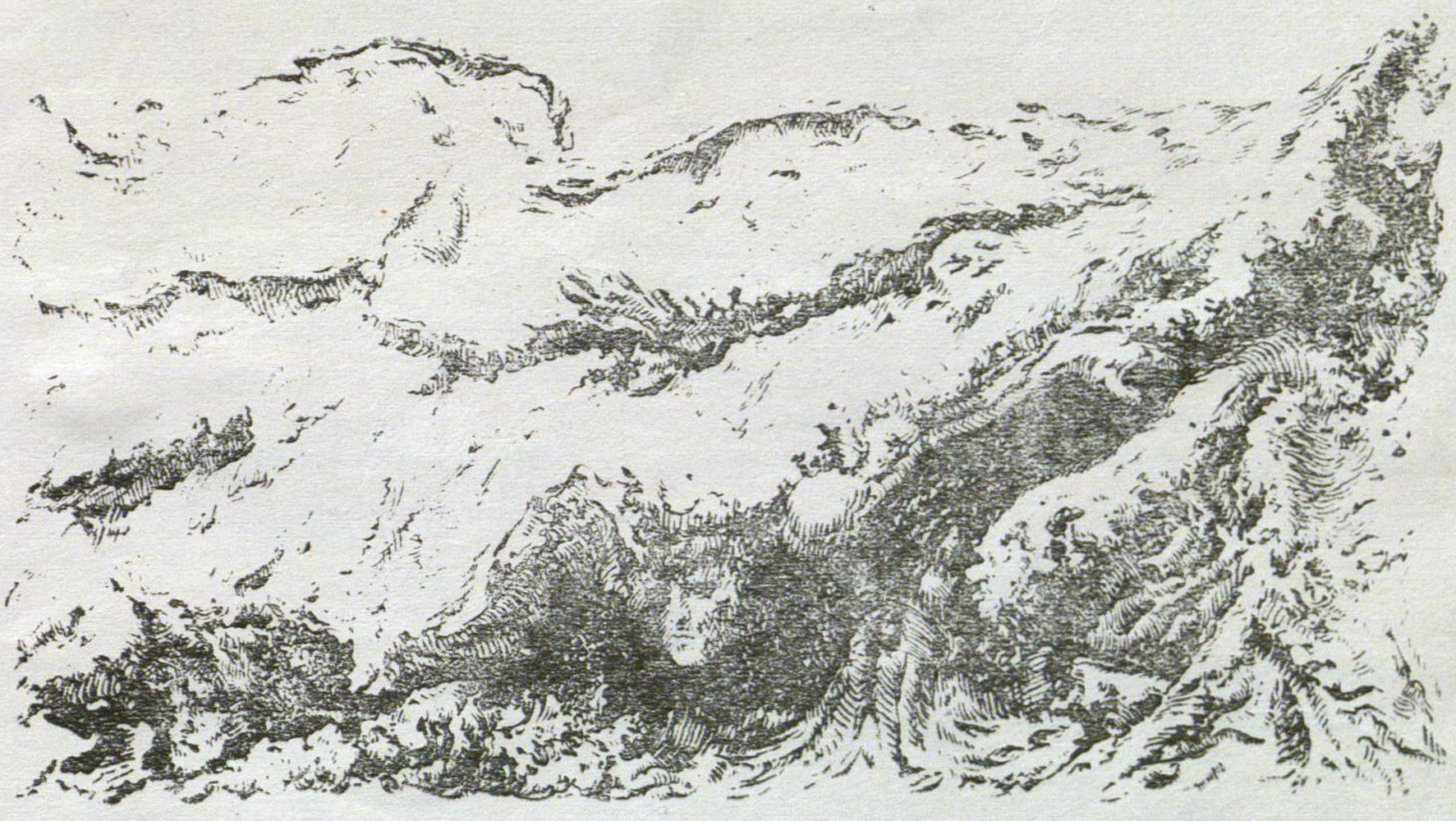
Наилучшим исполнителем роли князя Шуйского был К. С. Станиславский. В отличие от всех предшествующих исполнителей этой роли Шуйский-Станиславский входил в покои царя Федора с обнаженным мечом (этот меч был привезен из Средней Азии и подарен Станиславскому), что по придворному этикету никак не дозволялось, нарушало историческую и бытовую правду. У Станиславского Шуйский был не только родовитый боярин, но и прославленный воин, легендарный защитник Пскова. Исполнение этой роли Станиславским носило своеоб-

разный романтический характер, его Шуйский напоминал богатырский образ Ильи Муромца или князя Пожарского.

Почти 50 лет прошло с тех пор, как со сцены Художественного театра впервые прозвучали первые слова трагедии:

«На это дело крепко надеюсь я». «Крепкая надежда», поддерживавшая смелых зачинателей Художественного театра, оправдалась. «Царь Федор Иоаннович» не сходит со сцены театра. Новые зрители по-новому воспринимают трагедию А. К. Толстого. Она звучит обличительным актом русского самодержавия. И каждый раз, когда сдвигается занавес с чайкой и в зале зажигается свет, хочется сказать актерам Художественного театра свое большое, сердечное спасибо.

Любимые артисты

Property of
THE LIBRARY OF
THE MUSEUM OF
MODERN ART

Н. Сорокина
(10 класс «А» 446-й женской средней школы Сталинского района).

ОБРАЗЫ НРАВСТВЕННОЙ КРАСОТЫ

Я люблю смотреть спектакли с участием моей любимой артистки, большого художника Аллы Константиновны Тарасовой. Я вижу в образах, созданных А. К. Тарасовой, много теплоты, искренности, чувства, нравственной красоты, благородства, воли, пафоса жизни — все это волнует меня, захватывает до глубины души. Я думаю, что такой тонкий художник, как А. К. Тарасова, может раскрыть человеческий характер, мысли и чувства с предельной глубиной, заставить зрителя перенестись на сцену и жить одной жизнью с персонажами спектакля.

Я не знаю ни одного образа русской женщины, который бы не был пленителен в исполнении А. К. Тарасовой. Самый любимый мой образ — это Лиза, военврач, жена командующего фронтом Муравьева в пьесе «Победители» Чирскова.

Роль по пьесе очень небольшая, но в исполнении А. К Тарасовой она приковывает внимание зрителя. Я люблю Лизу Тарасову. Как много в ней мужества, отваги, беззаветной преданности своей отчизне, горячей веры в победу.

Лиза-Тарасова — эта женщина сильная, волевая, вот почему я не поверила в гибель Лизы, когда она попадает в плен. Она вернулась из плена, встречается с мужем.

Как глубоко волнует эта сцена встречи, как проникновенны слова Лизы-Тарасовой: «Я шла по сожженной земле, целую жизнь шла, и то, что я видела... дети, мертвые женщины, и горе, горе...». Разве можно забыть интонации ее голоса, выражение ее лица, когда она вспоминает о детях, мертвых женщинах, и на глазах появляются слезы. Мне кажется, так воплотить русскую женщину сможет только тот, кто понимает ее прекрасную душу, кто сам обладает неисчерпаемым богатством.

И. Шенкман
(9 класс 557 мужской средней школы Москворецкого района).

БЕССМЕРТНОЕ СОЗДАНИЕ ХМЕЛЕВА

Однажды мне довелось присутствовать на одном из лучших спектаклей Художественного театра, на спектакле «Анна Каренина». Театр воплотил в жизнь бессмертное произведение гения человечества Л. Н. Толстого.

Уже более десяти лет прошло, как «Анна Каренина» появилась на сцене, но с неослабевающим интересом смотрят ее зрители. Многие и

многие запоминают на всю жизнь волнующий образ Анны, Вронского и других, а я навсегда запомнил Н. П. Хмелева в роли Алексея Александровича Каренина.

Сейчас пишу эти строки, а мыслями уношусь туда, в Художественный театр, и вижу бессмертный образ, созданный Хмелевым.

Я читал «Анну Каренину» еще задолго до посещения пьесы и вспоминал толстовского Каренина, сидя в зрительном зале МХАТ. Хмелев дает образ Каренина в строгом соответствии с описанием Толстого. Когда видишь Каренина, то забываешь, что находишься в театре. Будто чудесная «машина времени» уносит тебя в далекое прошлое, насыщенное Карениными. Каренин-Хмелев — сухой, жестокий человек с безмерно развитым честолюбием. Каренин приносит в мир зло, отравляет жизнь окружающим, глушит все живое. Каренин-Хмелев — бездушный автомат; и это ярко показывает Хмелев. Сатирический образ из романа Толстого превращается в трагический у Хмелева. В сцене на скачках Каренин-Хмелев отдает свои поклоны встречным, глядя на ранги. Чем выше ранг, тем подобострастнее кланяется Хмелев. Объясняясь с Анной, он даже не глядит ей в глаза, а смотрит выше, на ее лоб и прическу. Говорит резким, пронзительным голосом. Потом застывает, подобно сфинксу. У постели умирающей Анны Каренин-Хмелев растроган, впервые обнаружил человеческое чувство. Но оно снова исчезает, и снова бесчеловечность и холодность заполняют его душу. Лицо его меняется при всяком упоминании об Анне. В четвертом акте Облонский произносит имя Анны в разговоре с Карениным, и Каренин преображается на глазах. Мертвым становится его лицо, и он кричит: «Я прошу вас прекратить, прекратить этот разговор».

Таков Каренин, созданный Хмелевым.

Л. Спиридонов
(9 класс 20-й мужской средней школы Ленинского района).

Б. В. ЛИВАНОВ

Мне хочется поговорить о Ливанове, играющем на сцене и в кинокартинах. Роли его самые разнообразные, порой, контрастные: император Александр I («Глинка») и помещик Ноздрев («Мертвые души»), командир «Варяга» и матрос Швандя («Любовь Яровая»).

Особенно запоминается Ливанов-Ноздрев.

Трудно актеру вести роль в пьесе написанной по роману или повести: опасно и недоиграть и переиграть.

Но за Ливанова можно быть спокойным... В разные моменты спектакля ждешь с нетерпением его выхода.

Наиболее запоминается сцена из последнего акта, где напряженность достигает наивысшего предела.

Вот он приходит навеселе, фамильярно здоровается с перепуганными чиновниками, садится за стол, сдвигает поднос и требует карты. Как естественны и правдивы его приход и дальнейшая игра.

Чувствуется, что Ноздрев догадывается о своем значении в этот миг и старается воспользоваться всеми выгодами своего положения. Он так непринужденно превращает в свое сказанное чиновниками, что кажется знающим больше, чем они. И вот дело доходит до Наполеона.

Ноздрев сам ошарашен вымыслом, пределом человеческой глупости; ему требуется время, чтобы превратить сообщение в убеждение.

Ливанов так тонко психологически проводит сцену, что зрители невольно прерывают ход пьесы, аплодируя ему.

Может показаться, что игра Ливанова выгадывает от роли весельчака-балагура, как будто бы незначительной в сравнении с другими персонажами пьесы. Но это только кажется. Ливанов раскрывает «душевный» мир Ноздрева, мир холодный, пустой, мрачный.

Перед нами «живет» подлинный персонаж русского общества гоголевского периода, живет и напоминает, что он пережил гоголевские времена, что он близкая родня ноздревым, дожившим до самой революции.

Г. Амелин
(10 класс 662-й мужской средней школы Калининского района).

Я ЛЮБЛЮ ЕЕ ИГРУ

Некоторые постановки МХАТ, как например, «Последняя жертва», «Анна Каренина», «Три сестры», «Победители» я слушал по радио. Отдельных артистов видел в кинокартинах.

Наиболее запечатлелась игра артистки А. К. Тарасовой.

Впервые я увидел ее в кинокартине «Бабы», где она создала яркий образ русской женщины, которая, оставшись без мужа, сумела выйти с детьми из крайне трудного положения.

А. К. Тарасова великолепно показала, как в нашей стране трудящийся человек вырастает в знатного человека.

* * *

Слушая постановки МХАТ по радио, я отчетливо представляю себе роли, которые играет Тарасова. В пьесе Островского «Последняя жертва» она создала образ Юлии, и мне кажется, будто я вижу, как живет Юлия одна в своем доме, никого не принимая, как она молода и хороша собой; как полюбила красивого Дульчина, как оказалась перед необходимостью принести «последнюю жертву».

Весь свой артистический талант должна вкладывать в роль Тарасова, чтобы добиться такого воздействия, когда ее не видишь. Она поразительно играет роль Юлии, как-бы живет ее мыслями и поступками.

* * *

Незабываемый образ жены генерала Муравьева создала Тарасова в пьесе «Победители».

Я люблю ее игру и желаю ей новых творческих успехов на родной сцене.

Е. Сулиди
(10 класс «А» 518-й мужской средней школы Кировского района).

ИГРА АНДРОВСКОЙ

Не так давно на сцене МХАТ я видел комедию «Школа злословия», которая произвела на меня очень большое впечатление. Она шла на сцене МХАТ в 539 раз.

Спектакль этот является шедевром, который могли создать только артисты МХАТ. Все они были неподражаемы. Каждый в отдельности представлял воплощение актерского искусства, а все вместе составляли сыгранный, монолитный ансамбль. Интонации, мимика, жесты, каждый шаг — все было продумано до мельчайших подробностей. Но самое яркое, сильное впечатление произвела на меня игра народной артистки О. Н. Андровской.

Как я читал, О. Н. Андровская прошла тяжелую, полную труда и душевных тревог жизнь. В детстве она была мечтательной и вместе с тем озорной девочкой, грезившей о каком-нибудь жизненном подвиге. В 1916 году она вступает на театральное поприще и становится комедийной актрисой; в 1920 году переходит на сцену МХАТ, и с тех пор, вот уже 28 лет работает там.

У Андровской природный великолепный комедийный темперамент.

Но непосредственность, простодушная веселость, легкость игры явились не только выражением ее прирожденного дарования, но и результатом упорной, напряженной работы над собой.

Андровская не может играть, не полюбив образа. Она совершенно перевоплощается, становится совсем другим человеком, «срастается» с образом. Но одновременно она видит образ со стороны, радуется ему, любуется им. Она заявляет: я «могу быть прокурором и защитником образа». Именно только так и надо изображать человеческий характер — со страстью, со всей силой темперамента.

Андровская — опытный художник, умеющий ставить перед собой определенные задачи и с увлечением их разрешать.

О. Н. Андровская — комедийная актриса; ее влечет радость и смех. пленяет бодрость и чувство полноты жизни. Ее смех — от избытка жизненных сил.

«Я — комедийная актриса». Андровская учит людей радоваться всей душой, быть уверенными в грядущем, то-есть быть готовыми бороться и побеждать. Благородная неспособность оставаться равнодушной к людям, высокая требовательность к себе самой — эти качества артистки выдвигают ее в первые ряды советских художников, которыми по праву гордится наша счастливая страна.

Р. Мирвис
(10 класс 662-й мужской средней школы Калининского района).

А. К. ТАРАСОВА

Кто не знает Московского Художественного Академического театра имени М. Горького?

Кто не любуется прекрасной игрой его артистов?

Я думаю, что даже жители самых отдаленных окраин нашей не-

объятной Родины, имеющие возможность только по радио слушать постановки МХАТ, хорошо знают и любят его.

И есть за что.

Все артисты этого театра превосходно справляются со своими трудными задачами. Но в числе первых я бы прежде всего отметил народную артистку Советского Союза Аллу Константиновну Тарасову.

Я три раза видел ее игру и все больше и больше восхищаюсь ею. Она так ярко раскрывает самые мельчайшие штрихи, которыми авторы отделывают свои образы.

Когда играет Тарасова, в зале наступает какая-то звенящая тишина; артистка зачаровывает зрителя. Забываешь, что находишься в театре; начинает казаться, что все происходит наяву и ты являешься невольным свидетелем несчастной жизни Маши Прозоровой или Татьяны Бардиной и их переживаний...

В игре Тарасовой чувствуется полная непринужденность; когда она входит на сцену, создается впечатление, будто она в обычной домашней обстановке.

Вот это уменье захватить зрителя, ясно и просто раскрыть иной раз очень сложный образ я и ценю больше всего в игре Аллы Константиновны Тарасовой. За это я люблю ее и хочу поздравить с замечательным юбилеем Московского Художественного театра.

В. Ковылова
(10 класс «Б» 655-й женской средней школы Железнодорожного района).

ДОРОГИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Однажды, в зимний морозный день, в школу таежного поселка Усть-Омчуг вместе с клубами пара, вбежала раскрасневшаяся от холода девочка. «Ребята, новая картина идет!» — закричала она, сияя от счастья обрадовать всех своим известием. «Какая? какая?» — послышалось со всех сторон, но, видимо, девочке не хотелось так быстро расставться со своей тайной, и она притихла на минуту... Ее окружили и с нетерпением ждали, когда же она скажет. Девочка, наконец, не выдержала: «Без вины виноватые»,— выпалила она одним духом и побежала в следующий класс, где еще не знали об этом.

А здесь поднялся шум и гвалт. От радости не знали что же еще сделать. На шум пришла директор, и все наперебой пустились спрашивать ее, пойдет ли школа в кино. «Если опять будет такой шум, то ни о каком кино не может быть и речи»... Когда она ушла, все с горячностью принялись доделывать уроки. А часа через два мы уже сидели в поселковом клубе и ждали с замиранием сердца, когда погаснет свет. Но — вот и то мгновение, которое казалось таким далеким. На экране промелькнуло несколько фамилий, и наконец: «В ролях:»...

Как во сне, читала я имена Тарасовой, Ливанова, Станицына, о которых столько читала и слушала, но не видела еще ни разу в своей, правда, недолгой жизни.

Чудная, прекрасная была Тарасова в роли Кручининой. Добрая и простая, чуткая и обаятельная. Известность актрисы не затмила в ней простые человеческие чувства матери. И последняя сцена (встречи с

сыном) была проведена ею так, что невозможно было удержаться от рыданий.

Из кино я вышла какая-то другая, потрясенная всем виденным, и долго никак не могла успокоиться и притти в себя, потому, что все еще жила вместе с Тарасовой и находилась в том волшебном мире чувств, в который она меня ввела. Трудно мне было уснуть в эту ночь после такого сильного впечатления, которое произвела на меня Алла Константиновна Тарасова. Закрыв глаза, я мысленно повторяла ее движения и слова, а слезы текли и текли сами собой...

На следующий день я решила непременно еще раз посмотреть «Без вины виноватые». Но я жила в интернате, поэтому в кино можно было ходить только со школой, и выполнить свое решение мне было довольно трудно. Все-таки договорившись еще с тремя девочками, мы отправились к директору, чтобы получить разрешение сходить в кино еще раз.

Мария Марковна очень удивилась нашей просьбе. «Ведь вы же были вчера» — сказала она нам, но мы наперебой стали объяснять, что такой фильм можно смотреть без конца, да и одна Тарасова чего стоит. Она улыбнулась: «Ну чтож с вами сделаешь, идите».

Так сумели артисты МХАТ зажечь своей игрой сердца подростков, живших в суровых условиях Севера, находившихся за тысячи километров от центра нашей родины, Москвы.

Ю. Борцова
(10 класс «Б» 655-й женской средней школы Железнодорожного района).

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Помню о том незабываемом впечатлении, которое произвела на меня пьеса Корнейчука «Платон Кречет» в постановке Художественного театра. Главную роль — роль молодого советского хирурга Платона Кречета играл Болдуман. Как только он появился на сцене, еще не сказав ни слова, стала ясна индивидуальность Платона по нескольким жестам. Это не рядовой врач, который только честно трудится. Сразу бросился в глаза новый человек, не стандартный, не такой, как многие. Во всем ходе действия развертывается замечательная натура Кречета, не щадящего сил для любимого дела, глубокого, вдумчивого, замечательно умного и непосредственного. Во всех его поступках сквозит правдивость, искренность, принципиальность, простота.

И Болдуман очень удачно раскрывает этот образ, возбуждая в зрителях лучшие чувства. Благодаря простоте и естественности, Платон Кречет кажется типичным советским человеком, для которого труд — священная обязанность, долг.

М. Карпова
(10 класс «Б» 613 женской средней школы Куйбышевского района).

ПИСЬМО ПОДРУГАМ.

«Милые девочки!

В Москве, на улице Горького, есть небольшой переулок. Каждый вечер спешат сюда толпы людей, самых разнообразных по профессии и возрасту. Здесь можно встретить убеленного сединами маститого ученого и юную студентку, широкоплечего юношу в военной шинели и пожилую учительницу, знатного стахановца и школьницу с комсомольским значком на груди. По-моему, всякий, кто хоть раз побывал в Москве, навсегда запомнит этот переулок в центре столицы и с благодарностью будет вспоминать театр, пьесу, артистов.

В первый раз я видела там «Враги» Горького. Сначала самый театр мне не очень понравился: в нем нет ослепительной красоты Большого театра, великолепия Малого, все самое обыкновенное, очень простое. А когда я вошла в зал, меня охватило чувство радости и гордости. Вы подумайте, девочки, здесь были Чехов и Горький, здесь играют самые лучшие актеры мира. Я старалась запомнить все до мельчайших подробностей, я ведь знала, какие вы дотошные.

Когда я сейчас закрываю глаза, передо мной встает серый занавес с белой чайкой, этим символом вечности, чистоты, силы и стремления к новому, светлому и прекрасному.

Начался спектакль. В пьесе были заняты лучшие артисты театра. Татьяну Луговую играла Тарасова. Она появилась на сцене как-то неожиданно, вошла и сразу затмила всех своей красотой. Татьяна была в красном платье и светлые волосы удивительно шли к ней. Она была такая стройная, милая, ласковая какая-то. В каждом ее движении, жесте, в каждом звуке голоса чувствовалась непобедимая сила красоты, изящества, грации. Знаете, Тарасова играет удивительно просто, без лишних жестов и мимики, она старается все время держаться в стороне, она только наблюдает. Своей игрой Алла Константиновна очаровывает зрителя, заставляет полюбить тот образ, который она создала. Артистка сумела удивительно хорошо подчеркнуть отношение Татьяны к окружающим. Она чувствует себя стесненной в семье Бардиных и Скроботовых, она презирает их волчьи законы, их страсть к наживе, богатству, деньгам. Татьяна чувствует приближение грозы, веяние бури, она видит буревестника ее в лице Синцова, она знает, что найдет в себе силы пойти с ним в далекое и прекрасное будущее. Синцова играл Болдуман. Он очень хорошо создал образ рабочего-революционера, сильного, волевого, умного. Чувствуется, что именно Синцов организовал стачку на фабрике, что он руководит рабочими и поддерживает их в борьбе.

* * *

Очень понравился мне Болдуман в роли Платона Кречета. Он играл молодого, талантливого хирурга. Кречет делает сложнейшие операции, он истинный мастер своего дела. В образе Кречета Болдуман сумел воплотить лучшие черты советской интеллигенции: волю к победе, принципиальность, честность. Я совсем забыла, что я в театре, мне казалось, что все происходит в жизни, я волновалась и радовалась вместе с Платоном Кречетом. Болдуман очаровывал своей искренностью, про-

стотой, прямотой. Я целый день ходила под впечатлением игры этого талантливого актера.

Огромное удовольствие доставляет игра и других артистов, но об этом — в следующем письме.

Театр заставляет задуматься над прошлым, помогает еще лучше понять настоящее. Он — наш лучший воспитатель, он развивает в нас стремление к знаниям, книге, искусству. И всякий раз я уходила из театра довольная и гордая тем, что в моей стране есть такой театр.

И. Гинзбург
(10 класс 57-й женской средней школы Киевского района).

ВСТРЕЧИ С ЖИЗНЬЮ (В. И. КАЧАЛОВ)

На сцене МХАТ все, как в жизни: так же просто и так же сложно. Каждый спектакль помогает понять то основное и характерное, из чего слагалось прошлое, настоящее, из чего слагается наша жизнь.

Театр помогает лучше понимать человека, его переживания и чувства, заставляет по-настоящему любить или ненавидеть.

Артисты театра лепят цельные, духовно-содержательные, яркие и выпуклые образы героев.

Именно таким художником, неподражаемым мастером сценического искусства был мой любимый актер В. И. Качалов. Его не стало, он навсегда ушел от нас...

Теперь вспоминая образ барона («На дне») в его блестящем исполнении, чувствуешь, как тяжела эта утрата.

Так показать, так сильно и потрясающе передать внутренний облик морально опустившегося человека, его загубленную жизнь смог только великий артист.

У меня в памяти остался каждый шаг его, каждое мельчайшее движение, каждая интонация голоса.

Качалов-барон помог мне понять основную идею пьесы.

Показав с большой художественной силой опустившегося на дно жизни человека, он заставил меня сжаться от ужаса перед таким падением человека. И когда в зале звучат горьковские слова: «Че-ловек. Это — великолепно. Это звучит... гордо», с еще большей силой выступает странное явление старого общества, люди «дна».

Игра Качалова захватила меня так сильно, что я почувствовала весь ужас «дна», куда никогда не доходят яркие лучи солнца.

Особенно запомнился мне момент рассказа Качаловым-бароном о своем прошлом и крик душевной боли, когда ему не поверили. В этом крике — болезненный стон старого мира, и жгучая ненависть к строю, породившему «дно».

Н. Уханова
(10 класс «Б» 626 женской средней школы Кировского района).

ЛЮБИМАЯ АКТРИСА

Я люблю театр.

Я очень люблю Художественный театр.

С каждым годом растет его искусство, как растет и его слава.

Недаром эмблемой Художественного театра является чайка, как бы символизирующая гордый, свободный и смелый полет к солнцу, к свету.

Открывается занавес — и уже нельзя оторвать глаз от сцены, вся превращаешься в слух и зрение.

* * *

Особенно волнует вдохновенная игра Аллы Константиновны Тарасовой. Мало сказать, что она великолепно играет. Она живет на сцене, живет настоящей жизнью своих героинь.

Живой вереницей проходят образы Анны Карениной, Кручининой («Без вины виноватые»), Негиной («Таланты и поклонники»), Юлии Тугиной («Последняя жертва»), Маши («Три сестры»), Катерины («Гроза»).

Все образы созданы ею с изумительной простотой, эмоциональностью, громадным обаянием, душевной силой и цельностью.

Сколько страдания, горечи, безысходной тоски, стремления к светлой жизни в Тарасовой-Катерине.

Сколько женственной грации, нежности и простоты в Тарасовой-Негиной. Особенно замечательна сцена прощания с Петей. В ней столько драматизма, столько глубокой силы, что нельзя не плакать вместе с Негиной, нельзя не скорбеть за судьбу всех актрис дореволюционной России.

В «Последней жертве» необычайно волнует судьба Юлии Тугиной, ее огромная, самоотверженная любовь, готовая на тяжелые жертвы.

Тарасова-Кручинина смело бросает беспощадное обвинение обществу, которое так жестоко ко всему бедному, заброшенному, «незаконному»...

Одного слова, одного жеста Тарасовой достаточно, чтобы глубоко взволновать зрителя. Замечательны переливы ее музыкального голоса, удивительны глаза, мягки и благородны движения.

Слушаешь Тарасову и кажется, что она говорит не со сцены, а где-то совсем рядом, в жизни.

К. Лукьянова
(10 класс «Б» 610-й женской средней школы Щербаковского района).

ПАМЯТЬ О НЕМ НЕ УМРЕТ (М. М. ТАРХАНОВ)

Пятьдесят лет назад впервые раздвинулся занавес Московского Художественного театра, и с тех пор каждый, хоть раз побывавший в нем, на всю жизнь сохранил впечатление от его замечательного искусства.

Я люблю Художественный театр за правду, «безусловную и честную», которую чувствуешь в любой его постановке. На сцене МХАТ все «так же сложно и так же, вместе с тем, просто, как и в жизни». Люди рождаются и умирают, радуются и страдают, любят и ненавидят. Одни из них живут, творят, борются за лучшее будущее своей родины, желая превратить ее в цветущий сад, а другие — боятся жизни, наполняют ее бессвязными речами о будущем, являясь «рабами и рабынями своей глупости, лени, жадности к благам жизни».

Русская действительность прошлых лет особенно ярко и правдиво показана артистами Художественного театра в его спектаклях «На дне» и «Мертвые души», которые произвели на меня очень большое впечатление.

В роли Луки я видела Тарханова. Игра его меня потрясла. Я и сейчас ясно представляю себе маленького седого старичка, который говорит то, чего не бывает в жизни. Он хочет, чтобы мучающиеся люди забыли о своих страданиях, и рассказывает им красивые сказки, за которые они хватаются. Тарханов показывает Луку бескорыстным, человечным, рассказывающим небылицы, которые создают у слушателей обманчивую надежду на лучшее будущее.

В другой раз я видела великого артиста в роли Собакевича («Мертвые души»). Особенно мне понравился момент продажи Собакевичем мертвых душ. Сам он — грузный, тяжелый, большой, холодный и только глаза показывают волнение. Он очень заинтересован этим делом. Мы чувствуем в нем «медведя», кулака, ругателя, «патриота русского желудка».

Я знакома с игрой Тарханова и по другим пьесам. И с каждой новой, просмотренной мной вещью, где я видела великого мастера сцены, мое уважение к нему, к его таланту все возрастало.

Но вот наступил тот мрачный день, когда радио оповестило всю страну, весь мир о великой утрате. МХАТ и советский народ лишились любимейшего актера, так тонко разбиравшегося в человеческой душе. Люди всегда будут помнить и чтить этого большого человека. Память о нем не умрет.

16290

Сталинградская
Областная библиотека
им. М. Горького

Ответственная редакция—*А. Г. Орлов.*

Общий план и подготовка
издания—*М. И. Воронков.*

Обложка и рисунки—*С. Н. Баев*

Л106876

Подписано к печати 23/X—1948 г.

Объем 5 п. л. Уч.-изд. л. 6.

Цена 6 руб.

Заказ 904 Тираж 3000 экз.

Типография издательства МГУ,
Моховая, 9.

Издание Института усовершенствования учителей.

